

Голос из пепла

Ирина Наумова

*Голос
из пепла*

Ирина Наумова

Ирина Наумова

Голос из пепла

<https://litres.ru/74320564>

Аннотация

— Я всё знаю, Стас. Твое «совещание» закончилось в постели моей лучшей подруги? Муж даже не вздрогнул. Его лицо оставалось маской благородства, которой он обманывал меня десять лет. — Ты бредишь, Кира. Это паранойя. Ты обязана мне всем: домом, статусом, будущим нашего сына. Без меня ты — никто.

Я верила ему. Десять лет я считала Стаса своим спасителем, который поддерживал меня после гибели моего жениха в авиакатастрофе. Я строила нашу империю, была идеальной женой и матерью.

Но один случайный адрес на салфетке превратил мою жизнь в руины. Оказалось, мой брак — это тщательно спланированная ловушка, а подруга — змея, пригретая на груди.

Однако судьба подготовила еще один удар. С экрана телевизора я услышала голос... Голос человека, которого похоронила десять лет назад....

В тексте вас ждут: Сильная героиня, которая не прощает предательства; Властный изменник, уверенный в своей безнаказанности (спойлер: он ошибается!); Тайна прошлого и неожиданные повороты; Встреча через годы с тем, кого

невозможно забыть, сильная любовь. Хэппи-энд для тех, кто его заслужил.

Содержание

Глава1	5
Глава 2 (Стас)	15
Глава3	24
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6(Николай)	46
Глава 7	53
Глава 8 (Стас)	61
Глава 9	68
Глава10 (Светлана)	76
Глава11	83
Глава12(Николай)	89
Глава13	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1

Утро в «Дубраве» всегда пахло одинаково: смесью дорогого кофе, тумана, поднимающегося от озера, и едва уловимым ароматом кожаных седел из конюшен. Это был запах успеха. Запах моей жизни, которую я по крупницам собирала последние десять лет, склеивая разбитое сердце золотым клеем благодарности.

Я стояла у панорамного окна нашей спальни, кутаясь в шелковый халат цвета жемчуга. На пальце тускло блеснуло кольцо с массивным бриллиантом — подарок Стаса на нашу пятую годовщину. Завтра будет десятая. Розовая свадьба. Олово и розы. Символ гибкости и нежности.

— Кира, ты опять встала ни свет ни заря? — низкий, обволакивающий голос мужа раздался из глубины комнаты.

Стас подошел сзади, его руки привычно легли мне на плечи. Тяжелые, собственнические. Он прижался губами к моей макушке, и я невольно закрыла глаза. Десять лет я убеждала себя, что это и есть счастье. Спокойное, надежное, выстроенное на руинах той, прошлой жизни, которая сгорела в карельских лесах вместе с частным джетом Евгения.

— Нужно проверить готовность манежа к завтрашнему празднику, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты же знаешь, я люблю, чтобы всё было идеально.

— Ты сама — идеал, — Стас развернул меня к себе. В его

глазах, как всегда, читалось восхищение, смешанное с чем-то еще... Чем-то, что я раньше принимала за заботу, а теперь — всё чаще — за контроль коллекционера над редким экспонатом. — И не забудь, сегодня к нам заедет Егоров обсудить аукцион.

Он поцеловал меня — быстро, по-деловому — и скрылся в ванной. Я осталась стоять посреди комнаты, чувствуя странный холод, который не мог прогнать даже подогрев пола.

Мой муж, Стас Субботин. Человек, который подобрал меня, когда я была лишь тенью самой себя. Беременная, раздавленная гибелью Жени, я не хотела жить. Стас был его лучшим другом, его партнером. Он взял на себя всё: похороны, суды, мои истерики. Он дал моему сыну, Николаю, свою фамилию и окружил нас роскошью, о которой другие только мечтают. Я была ему должна. Должна каждую секунду своего благополучия.

Я вздохнула и подошла к гардеробной. Нужно было собрать вещи Стаса для химчистки — он терпеть не мог, когда этим занималась прислуга, доверяя только моим рукам.

Пиджак от Brioni пах его парфюмом — горьким цитрусом и сандалом. Я механически проверяла карманы. Привычка эксперта по антиквариату: всегда проверять тайники, прежде чем выставить вещь на свет.

В боковом кармане пальцы наткнулись на плотный комок бумаги. Я вытащила его, ожидая увидеть чек из ресторана

или визитку партнера.

Это была салфетка. Обычная бумажная салфетка из нашего загородного клуба. На ней размашистым, хорошо знакомым мне почерком Стаса был написан адрес.

«Солнечный проезд, 14. 14:00, вторник. Жду. Не забудь ключ».

Внутри меня что-то оборвалось. Тихий щелчок, словно в старинном механизме лопнула пружина. Солнечный проезд... Это же адрес Светланы. Моей Светланы. Лучшей подруги, юриста нашей компании, женщины, с которой мы вчера три часа выбирали декор для завтрашнего торжества.

«Не забудь ключ».

Слова пульсировали перед глазами, выжигая сетчатку. Ключ? От чего? Светлана жила в элитном коттедже одна после развода. Зачем моему мужу ключ от её дома? И почему встреча назначена на сегодня, на два часа дня, когда у Стаса по расписанию «совещание с инвесторами в городе»?

Я медленно опустилась на пуфик, сжимая салфетку в кулаке. Сердце, которое я считала надежно запертым в ледяной панцирь, вдруг зашлось в неровном, болезненном ритме.

— Мам? Ты чего?

В дверях стоял Андрей.. Мой сын. Моя искра. В свои неполные десять лет он был пугающе похож на Женю. Тот же разлет бровей, та же манера чуть склонять голову набок, когда он о чем-то задумывался. Только глаза были мои — серо-голубые, как предгрозовое небо.

— Ничего, милый, — я быстро спрятала салфетку в карман халата и натянуто улыбнулась. — Просто задумалась о меню. Ты готов к школе?

— Почти. Папа сказал, что завтра подарит мне настоящего жеребца. Это правда?

— Если папа сказал — значит, так и будет, — ответила я, чувствуя, как слова горчат на языке.

Стас любил быть дарителем. Он покупал преданность, как покупал редкие статуэтки на аукционах.

После того как Андрей уехал с водителем, а Стас, поцеловав меня в щеку, укатил на своем «Майбахе», я осталась в пустом доме. Тишина поместья вдруг стала давящей. Каждый шорох, каждый стук часов в гостиной казался обвинительным приговором моей слепоте.

Я не могла ждать. Не могла просто сидеть и гадать.

Я переоделась в лаконичный брючный костюм, собрала волосы в тугий узел — мой боевой раскрас «алмазной леди», как называли меня в офисе.

До Солнечного проезда было пятнадцать минут езды. Но я не поехала на своей машине. Я взяла старый внедорожник, который мы использовали для объезда левад, и припарковала его за два дома до участка Светланы, в тени разлапистых елей.

Часы на панели показывали 13:55.

Мир вокруг казался застывшим в янтаре. Я видела, как к дому Светланы подъехал черный автомобиль Стаса. Он

не стал парковаться у ворот, а привычно нажал на пульт, и створки гаража услужливо поглотили его машину.

У него был пульт. У него был ключ.

Я вышла из внедорожника, стараясь не шуметь. Мои движения были точными, почти механическими. Я знала этот дом — мы строили его вместе со Светланой, я помогала ей с ландшафтным дизайном. Я знала, что за гостевым флигелем есть калитка, которая ведет прямо к террасе спальни. Светлана всегда хвасталась, что это её «путь для тайных побегов».

Трава мягко пружинила под ногами. Воздух стал тяжелым, предвещая грозу. Я подошла к панорамному остеклению террасы. Жалюзи были приспущены, но не закрыты до конца.

Я увидела их сразу.

Стас стоял у окна, его пиджак был брошен на кресло. Светлана... моя «верная» подруга, женщина, которой я доверяла все свои страхи, — прижималась к нему со спины, запуская руки под его рубашку. На её шее я увидела то самое кольцо — изумрудную каплю в платине, которую Стас показывал мне в каталоге месяц назад, говоря, что это «инвестиция для фонда».

Инвестиция сейчас сияла на коже моей подруги.

— Ты обещал, что сегодня скажешь ей, — голос Светланы донесся до меня через приоткрытую створку. — Завтра этот нелепый праздник. Ты действительно собираешься сто-

ять там и клясться ей в верности?

Стас обернулся, перехватил её руки и притянул к себе. Его лицо, которое я считала родным, сейчас казалось маской чужого человека.

— Потерпи, Света. Развод — дело тонкое. Мне нужно, чтобы она сама отказалась от доли в «Дубраве». Ты же знаешь, контракт составлен так, что при её измене или добровольном уходе я забираю всё. Мне нужно лишь еще немного времени, чтобы дожать её. Она и так верит каждому моему слову. Она же до сих пор чувствует себя виноватой за то, что выжила, а её Женя — нет.

Он засмеялся. Тихим, сухим смешком, от которого у меня по коже поползли ледяные мурашки.

— Она такая предсказуемая, Света. Десять лет я лепил из неё то, что мне нужно. Она думает, что я её спас. На самом деле, я просто занял пустующее кресло директора её жизни.

Я стояла за стеклом, и мне казалось, что земля под моими ногами превращается в зыбучий песок. Каждый звук, каждое слово Стаса впивалось в меня раскаленными иглами.

Это не была просто измена. Это была ликвидация. Десять лет моей жизни были не браком, а тщательно спланированной операцией по захвату моих активов, моих чувств, моего сына.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, но я переборола её. Я не имела права на слабость. Не сейчас.

Я медленно достала телефон и включила камеру. Руки не

дрожали. В этот момент во мне родилась та Кира, которую они еще не знали. Кира, которая не плачет, а вырезает опухоль без анестезии.

Я засняла их поцелуй. Засняла, как он надевает ей на руку браслет из того же комплекта.

В какой-то момент Стас посмотрел прямо в сторону окна. Его глаза сузились. Я не шелохнулась. Я знала, что из-за бликов на стекле он меня не видит, но я видела его — во всей его низости.

Я развернулась и так же тихо ушла.

Когда я села в машину, начался ливень. Огромные капли барабанили по крыше, смывая пыль с лобового стекла. Я смотрела вперед, на дорогу, и видела руины своего мира.

Десять лет. Три тысячи шестьсот пятьдесят дней лжи.

Я вспомнила Женю. Вспомнила его теплые руки и то, как он обещал, что мы будем вместе всегда. Если бы он был жив... Но он погиб. И Стас был тем, кто принес мне эту весть.

«Я просто занял пустующее кресло...»

— Нет, Стас, — прошептала я, сжимая руль так, что побелели костяшки. — Ты не занял его. Ты его украл.

Я завела мотор. У меня было четыре часа до его возвращения. Четыре часа, чтобы стереть слезы и превратиться в ту, кем я была на самом деле до того, как он меня сломал. В эксперта, который умеет отличать подделку от оригинала.

И сейчас передо мной была самая масштабная подделка

в моей жизни.

Приехав домой, я прошла мимо горничной, которая что-то щебетала о доставке цветов. Я заперлась в кабинете. Мне нужно было составить план.

Виталий Егоров. Мне нужен Виталий. Старый друг моего отца, человек, который всегда недолюбливал Стаса, но молчал из уважения ко мне.

Я открыла ноутбук, и в этот момент в комнату зашел Андрей. Он вернулся из школы раньше.

— Мам, а ты обещала сегодня посмотреть со мной то шоу, — он заглянул мне в лицо. — Про певцов. Помнишь? Финал же.

Я хотела отмахнуться, сказать, что мне плохо, что у меня много дел. Но я посмотрела в его глаза — глаза Жени — и сердце сжалось.

— Конечно, котенок. Давай посмотрим.

Мы устроились в домашнем кинотеатре. Огромный экран светился яркими красками. Шоу «Голос времени».

Я сидела, глядя в экран, но видела только лица Стаса и Светланы. В голове крутились цифры, счета, пункты контракта. Я уже выстраивала стратегию войны.

— А теперь — наш фаворит! — прокричал ведущий. — Человек, чей голос заставляет сердца замирать. Николай Светлаков!

На сцену вышел мужчина. На нем был простой черный костюм. Его лицо... оно было странным. Слишком правиль-

ным, словно вылепленным из воска, с глубокими тенями у глаз. Пластика. Очевидная и не самая дорогая.

Но когда он запел...

Я почувствовала, как у меня перехватило дыхание. Это был не просто голос. Это был разряд тока, прошивший меня от макушки до пяток.

Он пел романс, который когда-то пел мне Женя в нашу последнюю ночь перед его вылетом. Те же интонации. Тот же едва уловимый хрип на высоких нотах. Та же манера чуть растягивать гласные.

— Мам... — Андрей замер, подавшись вперед. — Мам, смотри!

Мальчик показал на экран. Певец на сцене, заканчивая куплет, привычным жестом поправил манжет левой руки и чуть дернул плечом, словно ему мешал пиджак.

Это был жест Андрея. Это был жест Жени. Генетический код, который нельзя подделать.

Я вскочила с дивана, роняя пульт. Экран заполнило лицо певца крупным планом. Он смотрел прямо в камеру, и в его глазах — темных, бездонных — я увидела ту же тоску, которая жгла меня все эти годы.

В этот момент в прихожей хлопнула дверь. Вернулся Стас. — Дорогая, я дома! — его голос, такой жизнерадостный и фальшивый, прорезал тишину.

Я посмотрела на экран, где «Николай Светлаков» брал последнюю ноту, и на дверь, за которой стоял мой муж-преда-

тель.

Голос из пепла. Он вернулся. И на этот раз я не позволю
пламени затухнуть.

Глава 2 (Стас)

(от лица Стаса)

Щелчок запонки отозвался в висках коротким, приятным эхом. Я застегнул манжету, поправил тяжелые часы и мазнул взглядом по своему отражению в зеркале, висевшем в прихожей у Светланы. Из амальгамы на меня смотрел мужчина, у которого было всё. Идеально посаженный пиджак, уверенный разворот плеч, взгляд человека, который не просит, а берет.

— Стас, ты ведь не забудешь про документы? — голос Светы долетел из спальни, вязкий и ленивый, как патока.

Я не обернулся. Мне не нужно было смотреть на неё, чтобы знать: она сейчас лежит среди сбитых шелковых простыней, полуобнаженная, с тем самым вызывающим блеском в глазах, который я так ценил. Света была как выдержанный коньяк — обжигающая, статусная и чертовски дорогая. В отличие от Киры, которая в последние годы напоминала мне родниковую воду. Чистая, прозрачная, необходимая для жизни, но совершенно пресная.

— Юридический отдел подготовит финальный вариант к утру, — ответил я, поправляя галстук. — Завтра на банкете подпишем. Кира даже вникать не станет, она сейчас вся в своих лошадях и подготовке к юбилею.

Я вышел на крыльцо, вдыхая тяжелый, напоенный озоном

воздух. Гроза собиралась долго, небо над Солнечным проездом наливалось свинцом, и первые капли уже начали разбиваться о гранитные плиты дорожки.

Сев в «Майбах», я на мгновение прикрыл глаза. В салоне пахло новой кожей и едва уловимым ароматом духов Светланы — чем-то мускусным, хищным. Я достал из бардачка флакон своего парфюма и дважды нажал на распылитель. Горький апельсин и кедр быстро вытеснили запах измены. Это был мой ритуал. Очищение перед возвращением в семейное гнездо.

Машина мягко тронулась. Я любил эти минуты тишины. В них я чувствовал себя по-настоящему великим. Десять лет назад я сделал самую выгодную ставку в своей жизни, и сегодня я пожинаю плоды.

Я невольно вспомнил тот дождливый вечер в больнице. Бледная Кира, огромные, сухие от горя глаза и её едва слышный шепот: «Стас, я беременна. Женя не знал... Я не успела сказать».

Тогда внутри меня что-то хищно щелкнуло. Евгений, мой «лучший друг», мой удачливый партнер, всегда был на шаг впереди. У него были лучшие контракты, лучшая машина и... лучшая женщина. Его смерть в той карельской глуши стала для меня билетом в высшую лигу. Но Кира... Кира была жемчужиной, которую я не мог упустить.

Я помню, как взял её за ледяные руки. Помню, как вкрадчиво, слово за словом, вливал ей в уши яд, замаскирован-

ный под спасение. «Я позабочусь о тебе. О ребенке. Никто не узнает, что он не мой. Ты же знаешь, его родственники оберут тебя до нитки, если узнают о наследнике без брака. Я — твоя единственная защита».

И она поверила. Она вцепилась в меня, как тонущий в обломок мачты.

Я дал Андрею свою фамилию. Я дал Кире статус, о котором она и мечтать не могла. Я выстроил «Дубраву» на костях империи Евгения, и никто, решительно никто не посмел бы сказать, что я занял чужое место. Я его не занял. Я его купил. Ценой десяти лет имитации любви.

Дорога к поселку петляла между вековыми соснами. Ливень хлынул стеной, дворники ритмично смахивали потоки воды. Я лениво похлопал себя по карманам пиджака в поисках телефона и вдруг замер. Пальцы нащупали пустоту.

Та салфетка. Адрес Светланы и время.

Холодная волна прошла по спине, но я тут же заставил себя расслабиться. Черт, наверное, выронил в ресторане, когда мы обедали, или в машине у Светы. Кира... Кира никогда не проверяет мои карманы. Это ниже её достоинства. Она слишком «правильная», слишком благородная для такой низости. В этом была её слабость, и в этом было моё спасение.

Машина въехала на территорию «Дубравы». Охранник на КПП вытянулся в струнку, козыряя. Я едва заметно кивнул. Весь этот мир — конюшни, манежи, гостевые дома, гектары ухоженной земли — принадлежал мне. И завтра, после

подписания документов, юридически он станет моим окончательно.

Светлана всё рассчитала верно. Мы создали новую управляющую компанию, куда перейдут все основные активы. Кире останется роль «почетного президента» без права подписи и небольшой процент на шпильки и овес для её любимчиков. Пора было заканчивать с этой благотворительностью. Я устал играть роль вечного должника перед памятью Жени.

Андрей... Сыну было девять с небольшим, и он был единственным пятном на моем безупречном полотне. Мальчишка рос слишком похожим на того, другого. Та же посадка головы, тот же взгляд, от которого мне порой хотелось выругаться. Я никогда не любил его. Я терпел его, как терпят неизбежный дефект на дорогой картине. Но скоро и это перестанет иметь значение.

Я заглушил мотор в гараже и несколько секунд просто слушал, как остывает двигатель. Тишина дома всегда казалась мне немного искусственной.

Открыв массивную дубовую дверь, я вошел в прихожую.

— Дорогая, я дома! — мой голос прозвучал уверенно, заполняя пространство холла.

Я ожидал услышать её легкие шаги, почувствовать едва уловимый аромат её духов — чего-то цветочного и мягкого. Но дом ответил мне молчанием. Лишь издалека, из глубины первого этажа, доносились приглушенные звуки телевизора.

Раздражение кольнуло под ребрами. Обычно она встречала меня, готовая выслушать отчет о моем «тяжелом дне». Я сбросил туфли, небрежно оставив их на ковре, и прошел в сторону домашнего кинотеатра.

— Кира? Андрей? Вы где?

Я толкнул дверь в темную залу. Единственным источником света был огромный экран. Моя жена и этот мальчишка сидели на диване, замерев, словно соляные столпы. Они даже не обернулись на мой вход.

— Что за посиделки в темноте? — я подошел ближе, натягивая на лицо маску добродушного отца семейства. — Андрей, ты почему еще не в кровати? Завтра важный день, придет твой новый тренер.

Я положил руку на плечо Киры. Она вздрогнула так сильно, будто я ударил её током. Её кожа была ледяной, даже через ткань тонкого костюма.

— Кира, что случилось? — я нахмурился, переводя взгляд на экран.

Там шло какое-то музыкальное шоу. Камеры выхватывали лица судей, восторженную толпу, а в центре сцены стоял мужчина. Он пел.

Голос... Этот голос прошил тишину комнаты, и у меня внутри всё перевернулось. Это было физическое ощущение, будто кто-то засунул руку мне в грудь и сжал сердце холодными пальцами.

Я не меломан. Я не разбираюсь в нотах. Но этот тембр...

этот чертов хрипловатый выдох на концах фраз... Я слышал его тысячи раз в другой жизни. В барах, в караоке, в кабинете, когда Женя, закинув ноги на стол, напевал свои дурацкие романсы.

Я застыл, не в силах отвести взгляд. Лицо певца было чужим. Слишком симметричным, слишком неподвижным, словно маска из дорогого фарфора. Пластика. Профессиональная работа. Но глаза...

— Мам, смотри, он поправляет волосы точно как я, — шепот Андрея прозвучал как выстрел в упор.

Я посмотрел на сына. Мальчик сидел, подавшись вперед, и его лицо в синеватом свете экрана было жуткой, уменьшенной копией лица того человека на сцене.

— Ерунда, — мой голос сорвался на сип, и я поспешно откашлялся. — Просто похожий жест. Кира, выключи это. Хватит забивать голову мусором.

Она медленно повернула ко мне голову. В её глазах не было привычного тепла. Там была пустота, такая глубокая, что мне на мгновение стало страшно. Она смотрела на меня, но я чувствовал, что она видит не Стаса Субботина, своего мужа и спасителя, а кого-то другого.

— Этот голос, Стас... — прошептала она. — Ты же слышишь его? Ты не можешь его не слышать.

— Я слышу посредственного певца, Кира, — я резко отобрал у Андрея пульт и нажал на кнопку. Экран погас, погружая комнату в вязкую темноту. — Завтра у нас десятилетие

брака. К нам приедут сотни людей. А ты сидишь здесь и пугаешь ребенка своими фантазиями.

Я чувствовал, как в кармане брюк вибрирует телефон. Света. Наверняка пишет что-то игривое. Я подавил желание вытащить его прямо сейчас.

— Андрей, марш в кровать. Сейчас же, — я добавил в голос стали.

Мальчик молча поднялся и вышел, даже не взглянув на меня. Когда дверь за ним закрылась, я снова повернулся к Кире.

— Что с тобой происходит? Ты из-за этого типа так дернулась? Мало ли в мире похожих голосов. Женя погиб! От самолета ничего не осталось, кроме пепла, я сам был на месте аварии, Очнись, Кира!!!

— Он спел нашу песню, Стас. Песню, которую Женя написал для меня за неделю до вылета. Её никто не знал. Никто, кроме нас троих.

В комнате стало невыносимо душно. Я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, чувствуя, как галстук душит меня.

— Это совпадение, — отрезал я. — Случайный набор аккордов. Не смей портить завтрашний праздник этой чепухой. Ты переутомилась. Иди прими душ и ложись спать.

Кира поднялась. Она двигалась как автомат. Проходя мимо меня, она даже задела меня плечом, хотя места было достаточно.

Я остался в темноте один. Сердце колотилось о ребра, как

пойманная птица. «Этого не может быть, — твердил я себе. — Самолет разлетелся в щепки. Я сам видел отчеты. Я был на месте той аварии. Я сам опознавал его вещи. Он сгорел. Сгорел дотла».

Я достал телефон. Сообщение от Светланы: «Всё готово. Завтра „Дубрава“ станет твоей по-настоящему. Жду не дождусь, когда мы отпразднуем это в нашем номере».

Я закрыл глаза, пытаюсь вызвать в памяти образ Светланы, её смех, её тело. Но перед глазами стояло лицо того певца с мертвой мимикой и живыми, полными боли глазами.

«Надо будет проверить этого Светлакова, — подумал я, и мои пальцы невольно сжались в кулаки. — Завтра, сразу после банкета. Если это просто подражатель — я сотру его в порошок. А если...»

Я не додумал эту мысль. Она была слишком опасной.

Я вышел из кинозала и направился в свой кабинет. Мне нужно было выпить. И мне нужно было убедиться, что бумаги, которые Кира подпишет завтра, не оставят ей ни единого шанса на отступление. Десять лет я строил эту крепость, и я не позволю какому-то призраку из телевизора разрушить её стены.

Кира была моей. «Дубрава» была моей. И даже память о Жене должна была принадлежать мне, надежно упакованная в архивную папку с грифом «Закрыто».

Я плеснул в стакан виски, не разбавляя льдом. Горькая жидкость обожгла горло, принося минутное успокоение.

Завтра всё закончится. Завтра я стану абсолютным хозяином.

А призраки... призраки не имеют права голоса в мире живых. Я позабочусь об этом. Так же, как позаботился десять лет назад.

Глава 3

Тяжелый шелк простыней казался наждачной бумагой. Я лежала неподвижно, глядя в потолок, где в предрассветных сумерках дрожали тени от старых сосен. Рядом ритмично, пугающе спокойно дышал Стас. Мужчина, который вчера в чужой спальне планировал мою «утилизацию», спал сном праведника. Его рука, тяжелая и горячая, собственнически покоилась на моем бедре, и мне стоило колоссальных усилий не вскрикнуть от брезгливости.

Вчерашний вечер выжег во мне всё живое, оставив лишь холодный, как жидкий азот, рассудок. Голос из телевизора — голос Жени — всё еще вибрировал в моих барабанных перепонках, вступая в резонанс с тихим стуком часов на прикроватной тумбе.

Стас заворочался, пробормотал что-то невнятное и убрал руку. Я тут же выскользнула из постели, стараясь не тревожить матрас.

В зеркале ванной на меня смотрела незнакомка. Бледная кожа, тени под глазами, которые не скроет ни один консилер, и взгляд — острый, как скальпель хирурга. Сегодня был день нашего десятилетия. День, который должен был стать триумфом «идеальной семьи Субботиных», а станет началом конца.

Я вспомнила обрывки их разговора. «Мне нужно, чтобы она сама отказалась от доли... Нужно дожать её». Значит, бумаги готовы. И сегодня, во время торжественного приема, он подсунет их мне под видом какой-нибудь доверенности или праздничного сюрприза. Стас всегда знал, что в юридических тонкостях я доверяю ему безраздельно. Точнее, доверяла.

Мне нужно было увидеть эти документы до того, как они окажутся на праздничном столе. И я знала, где они. Светлана никогда не оставляла важные папки в офисе — она была слишком подозрительна для этого. Её дом, её крепость, скрывал не только моего мужа, но и механизм моей казни.

Выпив обжигающе черный кофе на кухне, я наблюдала, как Стас спускается вниз. Он был в прекрасном расположении духа: насвистывал какой-то мотив, поправил манжеты и подошел ко мне, чтобы поцеловать в висок. Я заставила себя не отпрянуть.

— Прекрасно выглядишь, дорогая, — его голос сочился патокой. — Сегодня будет великий вечер. Наберись сил. У меня с утра пара встреч, заеду в офис, проверю, всё ли готово к банкету.

— Конечно, Стас. Увидимся на приеме, — улыбнулась я одними губами.

Как только его «Майбах» скрылся за воротами, я пошла в комнату Андрея. Сын спал, раскидав руки, его лицо в утреннем свете казалось невероятно хрупким. Вчерашний эфир

потряс его не меньше моего, хотя он и не понимал до конца, почему этот чужой певец вызвал у него такую бурю эмоций. Я поправила одеяло и вышла. У меня было мало времени.

Светлана должна была быть в элитном спа-центре — она записалась туда еще неделю назад, я сама подтверждала её визит через нашу общую секретаршу. Около трех часов блаженного одиночества для меня в её доме.

Я не стала брать машину. В нашем поселке автомобили узнавали по звуку мотора, а лишние глаза охраны мне были ни к чему. Я надела старый спортивный костюм темного цвета и вышла через заднюю калитку конного клуба.

Путь лежал через лесополосу — полосу отчуждения между нашими участками, которую я сама когда-то проектировала. Ирония судьбы: я создавала этот ландшафт для красоты и уединения, а теперь он стал моей партизанской тропой.

Хвоя хрустела под подошвами кроссовок. Утренняя роса мгновенно пропитала ткань брюк, обжигая холодом лодыжки. Колючий кустарник шиповника цеплялся за рукава, словно пытаясь удержать, предупредить. Я шла быстро, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветки. В голове была только одна цель — флигель.

Дом Светланы показался из-за деревьев внезапно. Стильный, современный, из стекла и бетона — холодный памятник её амбициям. Я замерла у края леса, переводя дыхание. Сердце колотилось в горле, но не от страха, а от ярости.

Внезапно я похолодела. У гостевого входа стоял черный

автомобиль. Не «Майбах» Стаса, а его второй внедорожник, который он обычно использовал для поездок на охоту.

Он не в офисе. Он здесь.

Я пригнулась, прячась за живой изгородью из туи. Зачем он приехал к ней утром, если они виделись вчера? Видимо, «дожимать» решили прямо сейчас.

Обойти дом со стороны главного входа было невозможно — там камеры. Но терраса... Светлана всегда гордилась своим панорамным остеклением. И она всегда забывала закрывать защелку на второй створке, если оставляла дом «для проветривания».

Я пробралась к террасе, вжимаясь в стену. Мои пальцы коснулись стекла. Холодное. Бездушное. Я осторожно потянула за край створки. Она поддалась с едва слышным скрипом.

Внутри пахло её духами — тяжелыми, приторными, с нотками пачули. И еще — сигарами Стаса. Этот запах пропитал мою жизнь, и теперь он ощущался как яд.

Я оказалась в гостиной. Огромный кожаный диван, на котором вчера они... я зажмурилась на секунду, прогоняя видение. На журнальном столике стояла початая бутылка коллекционного вина и два бокала. На одном — след губной помады цвета запекшейся крови.

Мой взгляд метался по комнате, пока не зацепился за кожаную папку с золотым тиснением, лежащую на консоли у входа. На ней не было надписей, но я знала этот почерк Свет-

ланы — она приклеила к ней стикер с одной-единственной цифрой: «10». Юбилей. Мой приговор.

Я быстро подошла к консоли, стараясь не шуметь. Руки дрожали, когда я раскрыла папку.

Первые страницы — уставные документы новой управляющей компании «S-Estate». В списке учредителей — Стас и Светлана. Моего имени не было. Нигде. Дальше шел проект доверенности от моего имени на полную передачу прав управления конным клубом «Дубрава» в пользу этой компании.

«Ликвидация активов Субботиной К.А.» — гласил заголовок на одном из приложений.

Перед глазами поплыли красные пятна. Десять лет я вкладывала душу в этот клуб. Я знала каждую лошадь по имени, я помнила каждое дерево, посаженное на этой земле. Это было моё наследство, моё и Андрея. И он хотел забрать его одним росчерком пера, пользуясь моей слепой верой.

Но в глубине папки лежал еще один файл. Более тонкий, в простом пластиковом файле. Я вытащила его и почувствовала, как внутри всё заledenело.

Это была копия свидетельства о смерти Евгения Комлева. Старая, пожелтевшая. К ней скрепкой был приколот чек. Десять лет назад, через месяц после аварии. Сумма с пятью нулями. Получатель — частное охранное агентство в Карелии. В графе «назначение платежа» значилось: «За конфиденциальные услуги по поиску и локализации объекта в рай-

оне крушения».

Услуги по поиску? Стас говорил мне, что спасатели нашли только обломки. Он говорил, что тела не осталось. А сам платил частникам за «локализацию»?

— Ты уверен, что она подпишет? — резкий голос Светланы раздался сверху, с лестницы.

Я едва успела засунуть документы обратно в папку и нырнуть в нишу под лестницей, прикрытую тяжелой портьерой. Сердце билось так громко, что мне казалось, они слышат его ритм.

— Подпишет, — голос Стаса был полон ленивой уверенности. — Сегодня вечером я устрою шоу. Романтика, свечи, тост о нашей вечной любви. Она будет растрогана до слез. В такой момент Кира подпишет хоть собственный смертный приговор, лишь бы я продолжал смотреть на неё как на святую.

Они спустились в гостиную. Я видела их ноги через узкую щель между портьерой и стеной. Светлана была в шелковом халате, Стас — уже в рубашке, но без галстука.

— Вчера она меня напугала, — Светлана подошла к столу и плеснула себе воды. — Этот певец... Стас, это было слишком похоже. У меня до сих пор мурашки. А если Кира начнет копать? Если она сопоставит этот голос с тем, что ты ей рассказывал про аварию?

Стас подошел к ней, я видела, как его рука легла ей на талию.

— Пусть копает. Что она найдет? Пепел? Все концы обрублены еще тогда. Я заплатил огромные деньги, чтобы отчеты были такими, какими нужно. Евгений мертв, Света. А этот фигляр из телевизора — просто удачное совпадение. Генетическая лотерея. Сегодня мы закроем вопрос с клубом, и Кира станет просто красивым приложением к моей жизни. Без права голоса и без лишних подозрений.

Светлана обернулась к нему, её голос стал тихим и ядовитым:

— Когда ты уже скажешь этой святоше, что ты её никогда не любил и женился только на её акциях? Мне надоело делить тебя с этой «ледяной иконой».

Стас рассмеялся — тем самым сухим, коротким смехом, который я всегда принимала за признак его сдержанности.

— Скоро, детка. Очень скоро. Как только чернила на этих бумагах высохнут, я перестану играть в «благородного спасителя». Она сама сбежит из этого дома, когда поймет, что у неё не осталось ничего, кроме её воспоминаний.

Они прошли в сторону кухни, их голоса стали тише. Я стояла в своем укрытии, впиваясь ногтями в ладони до крови. Каждое слово было как удар хлыстом. Святоша. Ледяная икона. Ширма.

Я была для него всего лишь средством достижения цели. Инструментом, который удобно лежал в руке. Десять лет он упивался моей благодарностью, зная, что сам лишил меня будущего, а теперь планировал вышвырнуть, как ненужную

вещь.

Но детектив в Карелии... Чек на локализацию объекта.

Это означало, что Женя мог быть жив. Или Стас знал больше, чем сказал. Он искал его. И, возможно, нашел.

Я дождалась, когда они поднимутся обратно на второй этаж — видимо, Света решила довести свой утренний туалет до совершенства перед салоном. Действуя на голых инстинктах, я выскользнула из-под лестницы, подлетела к папке и сфотографировала на телефон каждую страницу, каждый договор, каждую подпись. Особенное внимание — тому самому чеку и свидетельству.

Когда я закрывала папку, рука на мгновение замерла. Мне хотелось разорвать эти бумаги в клочья, швырнуть их им в лица, закричать... Но я сдержалась. Бизон внутри меня требовал не шума, а эффективной охоты.

Я покинула дом через ту же террасу. Лес встретил меня тишиной, которая теперь казалась зловещей. Я бежала обратно к «Дубраве», не разбирая дороги. Ветки царапали лицо, легкие горели, но я не останавливалась.

Я должна была успеть.

Добравшись до конного клуба, я зашла в дальний денник к своему любимцу — вороному Грому. Только здесь, уткнувшись лицом в его теплую, пахнущую сеном гриву, я позволила себе сделать глубокий вдох.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Стаса: «Заказал тебе тот букет из белых орхидей, который ты лю-

бишь. Жду вечера, чтобы обнять свою прекрасную жену».

Я посмотрела на экран телефона, на фотографии документов, которые только что сняла, и на орхидеи, которые теперь казались цветами для покойника.

— Ты проиграл, Стас, — прошептала я, чувствуя, как внутри меня кристаллизуется лед. — Ты еще не знаешь об этом, но твой праздник уже закончился.

Сегодня на банкете он ждал моей подписи. Он её получит. Но совсем не ту, на которую рассчитывает. И не в тех документах.

Я выпрямилась, поправила одежду и направилась к дому. Нужно было будить Андрея. Нужно было готовить платье. И нужно было стать той самой «ледяной иконой», которую он так презирал, — только теперь эта икона была готова рухнуть на его голову всей своей тяжестью.

Голос из пепла не просто звучал. Он вел меня. И я знала, что первый человек, которому я позвоню, будет Виталий Егоров. Но не сейчас. Чуть позже. Когда маски будут надеты, а капканы расставлены.

Моя война началась официально. И в этой войне пленных не будет.

Глава 4

Запах сена и конского пота всегда действовал на меня как транквилизатор. В конюшне стояла густая, осязаемая тишина, нарушаемая лишь мерным перестуком копыт о деревянные полы и тяжелым, успокаивающим фырканием. Здесь не было места фальши. Гром, мой вороной красавец, ткнулся бархатным носом мне в плечо, выдыхая влажное тепло.

Я стояла в деннике, вжимаясь спиной в сухую дощатую стену, и чувствовала, как подрагивают пальцы, сжимающие телефон. В нем — приговор моему браку. Сотни фотографий документов, которые Стас и Светлана готовили как погребальный саван для моей свободы. И тот чек... десятилетней давности. «За локализацию объекта».

Слова Стаса из флигеля всё еще звенели в ушах: «Она — ледяная икона... Ширма...».

Я закрыла глаза, пытаюсь унять тошноту. Десять лет я строила жизнь на фундаменте, который оказался выгребной ямой. Каждое «люблю», каждый подарок, каждое «я спасу тебя» — всё это было лишь юридически выверенными ходами в партии, где я была даже не фигурой, а клеткой на доске.

Визг тормозов у входа в манеж разрезал тишину, как скальпель. Гром тревожно вскинул голову и заржал. Я не шелохнулась. Я знала, кто это. Стас не из тех, кто дает жертве

фору.

Тяжелые шаги по бетону приближались. Он не скрывался. Он шел так, как ходит хозяин по своим владениям, — уверенно, гневно, сметая всё на своем пути.

— Кира! — его крик ударился о высокие стропила и рассыпался эхом. — Выходи. Я знаю, что ты здесь.

Я медленно вышла из денника, поправив рукава старой куртки. На мне не было жемчужного халата или шелкового костюма. Я стояла перед ним в рабочей одежде, пахнущая лошадьми, и впервые за десять лет я не чувствовала себя должницей.

Стас замер в пяти шагах. Его лицо, обычно безупречно спокойное, сейчас напоминало маску из потрескавшегося гипса. Галстукразвязан, на лбу выступила испарина. Маска «благородного спасителя» окончательно сползла, обнажая мелкого, хищного зверя.

— Ты думаешь, это игра? — он шагнул вперед, его голос вибрировал от ярости. — Думаешь, пробралась в чужой дом, нащелкала картинок — и теперь ты королева положения?

— Я думаю, Стас, что ты — подделка, — мой голос прозвучал удивительно ровно, почти безжизненно. — Не самая качественная копия мужчины. Всё, что я нашла в папке Светланы... этого достаточно, чтобы стереть тебя из делового мира. Я хочу развод. Тихий. Без прессы. Клуб остается мне. Ты забираешь свои офшоры и исчезаешь из моей жизни.

Стас на мгновение замолчал, а потом... захохотал. Гром-

ко, лающе, заставив коней в соседних стойлах забиться в воротах. Этот смех пробирал до костей.

— Развод? — он вытер выступившую на глазах слезу, и его взгляд стал колючим, как битое стекло. — Кира, ты действительно веришь, что я позволю тебе разрушить то, что я строил десять лет? Ты — эксперт по камням, но ты полный ноль в жизни. Ты сидела в своем коконе из благодарности, пока я крутил этот мир.

Он подошел вплотную. От него пахло адреналином и Светланой — тот же едкий аромат пачули, который теперь всегда будет ассоциироваться у меня с предательством.

— Слушай меня внимательно, «ледяная икона», — он понизил голос до вкрадчивого шепота. — Те фотографии, что ты сделала... это мусор. Я сотру их вместе с твоим облаком еще до заката. Но есть кое-что поважнее «Дубравы».

Он сделал паузу, наслаждаясь тем, как я невольно напряглась.

— Андрей, — выплюнул он имя моего сына. — Ты забыла, кто записан в его свидетельстве о рождении? Я — его отец. Единственный законный представитель. По документам — он Субботин. Моя кровь, моё имя.

— Ты лжешь, — я сжала кулаки так, что ключи, которые я всё еще держала в кармане, впились в ладонь. — Ты сам предложил мне усыновление, чтобы «защитить» его. Ты знаешь, чей он сын.

— Я знаю. Но закон верит бумаге, а не твоим воспомина-

ниям, — Стас оскалился в торжествующей улыбке. — Уйдешь сейчас — останешься ни с чем. Клуб я обанкрочу через неделю, это дело пары подписей Светланы. А Андрея... Андрея ты больше не увидишь. Я выставлю тебя сумасшедшей. Скажу, что ты бредишь после вчерашнего шоу. Что ты видишь в каждом встречном певце своего мертвого любовника. Любой суд, любой опекунский совет признает, что ребенку лучше с успешным, стабильным отцом, чем с матерью, у которой поехала крыша на почве старых травм.

Мир вокруг меня пошатнулся. Я видела его лицо — самоуверенное, жестокое. Он бил в самое больное место, зная, что Андрей — это единственное, ради чего я дышу.

— Ты не посмеешь, — прошептала я.

— Посмею, Кира. И сделаю это с удовольствием. Ты сама дала мне это право, когда приняла мою фамилию и мою помощь.

Он развернулся и направился к выходу, бросив через плечо:

— У тебя есть два часа, чтобы привести себя в порядок. Надень то изумрудное платье, которое я купил. Вечером, на банкете, ты выйдешь к гостям и будешь улыбаться. А потом ты подпишешь все бумаги, которые принесет Светлана. Иначе завтра утром ты проснешься в элитной клинике для душевнобольных, а твой сын уедет со мной в «длительный отпуск» за границу. Без права переписки. Попробуй докажи, что я не отец, святоша. Там в могиле только пепел, и этот

пепел молчит.

Стас вышел, и звук его шагов вскоре затих, поглощенный шумом дождя, который снова начал колотить по крыше.

Я осталась стоять в полумраке конюшни. Ноги стали ватными, я медленно опустилась на тюк сена. Внутри меня всё превратилось в арктическую пустыню.

Он был прав в одном: по закону Андрей — его сын. Моя благодарность стала моей клеткой, а его «благородство» — кандалами.

Но он ошибался в главном. Пепел, о котором он говорил... пепел вчера заговорил. И этот голос не был галлюцинацией.

Я достала телефон. Экран мигнул, показывая время. До начала банкета, на котором Стас планировал мою окончательную ликвидацию, оставалось чуть меньше четырех часов.

— Ты проиграл, Стас, — прошептала я, глядя на вороного коня, который внимательно наблюдал за мной из денника. — Ты думал, что пепел молчит? Нет. Он поет.

Я медленно поднялась. Лед внутри меня больше не причинял боли — он стал моей броней. Стас хотел шоу? Он его получит. Но сценарий этого вечера теперь буду писать я.

Война за сына началась официально. И в этой войне у меня был союзник, о существовании которого Стас еще не догадывался. Тот самый «голос из пепла».

Я вышла из конюшни, расправив плечи. Дождь смывал пыль с моих рук, а в голове уже выстраивался первый ход.

Теперь я знала: чтобы спасти сына, мне нужно не просто уйти от Стаса. Мне нужно уничтожить его. Так же хладнокровно, как он уничтожал меня последние десять лет.

Глава 5

Изумрудный шелк стекал по моим бедрам тяжелой, холодной волной. Стас знал, что делает, когда выбирал это платье. Этот цвет делал мою кожу почти фарфоровой, а глаза — пугающе яркими, но сам фасон... корсет был затянут так туго, что каждый вдох напоминал о моем положении. Пленница в драгоценной чешуе. На подиуме собственной жизни, где судья — изменник и лжец.

Я стояла перед трюмо, вглядываясь в свое отражение. Внизу уже вовсю кипела жизнь: я слышала приглушенный звон хрусталя, суету официантов и настраиваемые инструменты приглашенного квартета. Запах дорогих лилий и тех самых белых орхидей, которые Стас заказал для моего «умиления», просачивался даже сквозь закрытые двери спальни. Этот аромат казался мне запахом тления.

Руки мелко дрожали, когда я потянулась к шкатулке. Стас хотел, чтобы я надела бриллиантовое кольцо, подаренное им в прошлом году. «Инвестиция в статус», как он выразился. Но сегодня я не могла прикоснуться к вещам, купленным на деньги, которые он планомерно выводил из нашей семьи.

Вместо этого я достала старинные серьги-подвески из белого золота с прозрачными сапфирами. Наследство моей мамы. Они были холодными, как лед в моем сердце, и напоми-

нали мне о том, кем я была до того, как Субботин стер мою личность, заменив её удобным манекеном.

— Мам? Ты уже готова?

Я обернулась. В дверях стоял Андрей. В маленьком смокинге, с идеально зачесанными волосами, он выглядел до боли взрослым. Его девять лет казались мне сейчас непосильной ношей — он был слишком чутким, слишком внимательным для ребенка, растущего в «идеальном» доме.

— Почти, котенок, — я заставила губы растянуться в улыбке, которая, уверена, выглядела как трещина на маске. — Тебе идет этот костюм.

Андрей зашел в комнату, плотно прикрыв дверь. Он не подошел к зеркалу, а остановился рядом со мной, глядя снизу вверх. В его глазах, таких похожих на глаза Жени, застыла недетская тревога.

— Почему папа кричал утром в конюшне? — спросил он тихо. — Я видел из окна, как он уезжал. Он был красный, как помидор. А ты... ты долго не выходила. Гром тоже нервничал.

Я присела перед ним на корточки, игнорируя протестующий треск корсета.

— Мы просто спорили о празднике, Андрей. Взрослые иногда слишком громко обсуждают дела. Тебе не о чем беспокоиться.

— Ты врешь, — мальчик нахмурился, и его нижняя губа едва заметно дрогнула. — Ты всегда так улыбаешься, когда

тебе больно. Как тогда, когда я упал с пони и разбил коленку, а ты говорила, что это не страшно, хотя у самой руки тряслись. Мам, если папа тебя обижает... когда я вырасту, я построю нам другой дом. Там не будет этих колючих заборов и охраны. И мы заберем Грома.

У меня перехватило горло. Я прижала его к себе, вдыхая родной запах детского шампуня и яблочного сока. «Сын по документам мой», — прозвучал в голове рык Стаса. Это была не просто угроза, это был капкан. Чтобы спасти Андрея, я должна была сегодня сыграть свою лучшую роль.

— Пойдем вниз, маленький защитник, — я поцеловала его в лоб. — Пока гости не собрались, у нас есть немного времени.

Мы спустились по широкой мраморной лестнице. Дом преобразился: повсюду горели свечи, флористы закончили оформлять перила, превратив их в каскады белых цветов. На террасе кейтеринг расставлял серебряные подносы. Стаса нигде не было видно — он контролировал въезд кортежа важных гостей у главных ворот, лично изображая радушно-го хозяина империи.

— Давай включим телевизор? Буквально на пять минут, — попросил Андрей, заходя в малую гостиную. — Там должны показывать дневники «Голоса». Ребята в школе только о нем и говорят.

Мне хотелось отказаться. Мне хотелось тишины, чтобы еще раз прокрутить в голове план разговора с адвокатом. Но

я посмотрела на бледное лицо сына и кивнула.

Я взяла пульт, чувствуя, как ладонь мгновенно стала влажной. Экран вспыхнул. Я переключила на нужный канал, и первое, что увидела — титры спецвыпуска: «Николай Светлаков. Путь к финалу».

— О, это он! — Андрей сел на край дивана, подавшись вперед.

На экране шел документальный блок. Николай сидел в полутемной студии. Крупный план. Его лицо, восстановленное хирургами, казалось неподвижным в ярком свете софитов, но глаза... Глаза жили своей жизнью. В них было столько боли и одновременно такой яростной решимости, что мне стало трудно дышать.

— «Я не помню своего имени», — говорил он, и его голос — этот низкий, вибрирующий баритон — заполнял комнату, резонируя с чем-то глубоко внутри меня. — «Я не помню лиц. Но иногда, когда я закрываю глаза, я чувствую запах сосен и слышу, как кто-то смеется. Этот смех — всё, что ведет меня».

Николай на экране нервно поправил воротник рубашки, а затем... он сделал странный жест: коснулся кончиком большого пальца мочки левого уха и чуть потянул её вниз, словно проверяя, на месте ли она.

В ту же секунду Андрей, сидевший рядом со мной, непроизвольно повторил это движение. Его маленькая ладошка взметнулась к уху, и он так же, один в один, потянул мочку

вниз.

Меня словно ударило током. Я знала этот жест. Женя всегда так делал, когда пытался сосредоточиться или когда сильно нервничал. Это не было привычкой, подсмотренной в кино. Это была телесная память. Генетика.

— Мам, посмотри на него, — Андрей вдруг подался вперед, почти касаясь экрана. — У него на левой брови такой же крошечный шрам-запятая, как у меня. Смотри!

Я присмотрелась. Действительно, над левой бровью Николая, там, где кожа была чуть более гладкой из-за пластики, виднелся тонкий рубец. Такой же, с каким Андрей родился — моя «отметина», как я называла её в роддоме.

— Мам, это же странно, да? — Андрей обернулся ко мне, его глаза блестели от странного возбуждения. — Он поет, как я. У него шрам, как у меня. И ухо он трогает так же. Может... может, он какой-то мой дальний брат?

Мальчик не понимал всей глубины пропасти, но он чувствовал родство. Биологическое, неоспоримое притяжение. Его детский ум не строил детективных схем, он просто фиксировал «свое».

— Не знаю, котенок, — прошептала я, чувствуя, как слезы обжигают глаза. — Мир иногда бывает очень тесным.

— Он мне нравится, — уверенно сказал Андрей. — У него глаза грустные, но добрые. Не такие, как у папы, когда тот думает, что его никто не видит.

Николай на экране запел — тихо, вполголоса, репетируя

ту самую песню.

Андрей замер, прислушиваясь. А потом он начал подпевать — не слова, а просто мелодию, попадая в каждую ноту, в каждый придыхательный акцент. Два голоса слились в один: зрелый, надтреснутый и детский, кристально чистый. Это была симфония крови, которую Стас пытался заглушить десять лет.

Я закрыла рот ладонью, чтобы не закричать от невыносимости этого момента. Жив. Он жив, и он здесь, за этой тонкой стеной из пикселей.

— Ну что, мои дорогие, вы готовы к триумфу? — голос Стаса прогрехотал из холла, разрушая интимность момента, как кувалда разбивает хрусталь.

Он вошел — сияющий, в безупречном смокинге, с белоснежной орхидеей в петлице. На его лице была маска заботливого мужа, но я видела, как его взгляд мгновенно впился в экран телевизора, а потом — в лицо Андрея.

— Опять этот певец? — Стас нахмурился, и в его голосе прорезалась едва сдерживаемая неприязнь. — Андрей, я же сказал — марш готовиться. Гости уже на подъезде. Хватит смотреть на этого калеку, от него веет неудачей.

Я быстро нажала на кнопку выключения. Экран погас, но в комнате всё еще вибрировало эхо их общего пения.

— Мы просто ждали тебя, Стас, — я поднялась, расправляя плечи. Изумрудный шелк зашуршал, возвращая мне образ «холодной иконы». — Андрей просто хотел послушать

музыку перед началом.

Стас подошел к нам, его рука легла мне на талию, и я почувствовала, как под тканью платья кожа покрылась мурашками отвращения. Он сжал мои пальцы чуть крепче, чем требовали приличия.

— Надеюсь, ты взяла себя в руки, Кира? — прошептал он мне на ухо, пока Андрей отвернулся за своим пиджаком. — Помни, о чем мы говорили в конюшне. Улыбайся. Будь идеальной. И не забудь: сегодня ты подписываешь не просто бумаги, ты подписываешь наше будущее. Или его отсутствие.

Я подняла голову, глядя ему прямо в глаза. Лед внутри меня окончательно кристаллизовался.

— Конечно, Стас. Сегодняшний вечер мы оба запомним навсегда.

Мы вышли в холл навстречу первым гостям. Вспышки камер, фальшивые улыбки, запах дорогого парфюма — всё это слилось в один неразличимый шум. Но внутри меня, за корсетом и изумрудным шелком, билось знание, которое давало мне силы.

Стас думал, что он — хозяин этого дома. Но он не заметил, как в его крепость вошел призрак. И этот призрак уже держал за руку его сына.

Война перешла в решающую стадию. И сегодня, среди хрусталя и орхидей, я собиралась нанести свой первый удар.

Глава 6(Николай)

(от лица Николая)

Свет софитов не просто освещает — он сдирает кожу. Когда стоишь в центре сцены, под перекрестным огнем юпитеров, кажется, что ты превращаешься в чистый звук, лишенный веса, имени и прошлого. В этот момент я не Николай Светлаков, финалист популярного телешоу. Я — сосуд. Пустая оболочка, которую заполняет чужая, яростная память, рвущаяся наружу через связки.

Последняя нота романса еще вибрировала в воздухе, когда я опустил микрофон. Тишина в зале длилась всего секунду, но для меня она растянулась в вечность. А потом обрушился обвал. Аплодисменты, крики, вспышки камер — всё это слилось в монотонный гул далекого водопада.

Я развернулся и пошел за кулисы. Ноги казались ватными, словно я только что заново учился ходить.

— Коля! Это было невероятно! Рейтинги просто зашкаливают! — Марат, помощник режиссера, возник передо мной как черт из табакерки. Он размахивал планшетом, его глаза за стеклами очков лихорадочно блестели. — Ты видел, что в соцсетях творится? «Человек без прошлого покори́л страну». Это же готовый слоган для тура!

Я прошел мимо него, едва кивнув. Запах закулисы — едкая смесь лака для волос, тяжелого грима, пыльных портьер

и перегретого железа — забивал легкие. Здесь всё было пропитано суетой и фальшью, но для меня этот хаос был единственной реальностью. Десять лет я жил в мире, где звуки значили больше, чем лица.

— Светлаков, через пять минут запись синхрона! — крикнули мне вслед. — Короткое интервью о «втором шансе». Соберись!

Я зашел в свою примерку и с силой толкнул дверь. Она закрылась с глухим стуком, отсекая шум телецентра. Здесь, в этой тесной коробке три на три метра, пахло одиночеством и дешевым кофе.

Я подошел к зеркалу. На меня смотрел мужчина в безупречном черном костюме. Лицо... хирург, которого нашла Галина, был настоящим художником. Или беглецом, которому нужно было на ком-то отточить свое мастерство. Слишком правильный подбородок, высокая переносица, скулы, словно выточенные из холодного мрамора. Это лицо было красивым, но оно не принадлежало мне. Оно было маской, которую я носил последние несколько лет.

Взяв ватный диск, я начал смывать плотный слой тонального крема. Движения были механическими. С каждым мазком из-под грима проступала правда. Тонкие, почти нитевидные шрамы на висках, за ушами, у самой кромки волос. Следы того, как меня собирали по кускам.

Я закрыл глаза, и на мгновение меня накрыло. Холодный карельский мох. Запах прелой хвои и горького дыма. И руки

Галины — сухие, как ветки старой ивы, пахнувшие полынью и зверобоем.

«Пой, Алеша, — называла она меня так, по-своему. — Боль из себя выпевай. Пока поешь — живешь. В голосе твоём правда осталась, а в голове — только пепел. Не ищи его, пепел-то. Он глаза застит».

Она отдала за мою пластику всё, что у неё было. Какую-то редкую икону, старое серебро... Когда я спросил «зачем?», она просто посмотрела на меня своими выцветшими глазами и сказала: «Чтобы ты мог вернуться к тем, кто тебя ждет. Даже если они об этом еще не знают».

Я открыл глаза и посмотрел в зеркало. Грим был снят. Теперь я видел свои глаза — единственное, что не смог изменить скальпель. Темные, глубокие, полные той самой тоски, которую я выплескивал на сцене.

Я запустил руку в карман пиджака и нащупал его. Мой якорь. Мой «черный ящик».

Я достал необработанный кусок камня, обернутый в лоскут грубой домотканой ткани. Черный изумруд. Он был холодным, но как только коснулся моей ладони, по телу разлилось привычное тепло. Камень словно пульсировал в такт моему сердцу. Галина нашла его в моем сжатом кулаке, когда меня, обгоревшего и почти недышащего, притащили к её порогу. Я не выпускал его даже в бреду.

Этот камень был единственным доказательством того, что я существовал до того взрыва. До того, как небо рухнуло на

землю, превратившись в огненный ад.

Я сжал изумруд так сильно, что острые грани впились в кожу.

— Кто я? — прошептал я в пустоту гримерки. — Кто меня ждет?

Сегодня во время выступления произошло нечто странное. Обычно я пою в пустоту, в черную бездну зала. Но сегодня... в какой-то момент мне показалось, что невидимая нить, связывающая меня с миром, натянулась до звона. Я почувствовал отклик. Как будто кто-то там, за экранами телевизоров, вдохнул одновременно со мной.

В голове всплыл образ: женский смех. Он не был звуком, он был ощущением — легким, чистым, как звон хрусталя в морозный день. И тепло. Не от огня, а от чьей-то ладони на моей щеке.

«Искра...» — слово пронеслось на периферии сознания и тут же исчезло, оставив после себя лишь горькое послевкусие.

В дверь резко постучали.

— Николай, выходимна синхрон! Журналисты ждут.

Я быстро убрал камень в карман, нацепил на лицо привычное выражение спокойной отстраненности и вышел.

Запись интервью прошла как в тумане. Я отвечал на стандартные вопросы о «чудесном спасении» и «пути к славе»,

стараясь не выдавать того, что внутри у меня всё клокочет. Я говорил о втором шансе, о том, что песня — это моя единственная нить с прошлым. В какой-то момент я поймал себя на том, что рассказываю про запах сосен. Журналистка умилилась, решив, что это метафора. Она не знала, что для меня сосны — это запах смерти и рождения одновременно.

Когда я наконец вернулся в гримерку, там уже стоял огромный букет. Белые лилии и что-то еще, экзотическое, пахнущее приторно и дорого. В центре композиции торчал конверт. Дорогая дизайнерская бумага, тяжелая, с тиснением.

Обычно я не открывал подарки от поклонников — этим занимался администратор. Но этот конверт... от него веяло холодом и чем-то таким, что заставило мои волосы на затылке зашевелиться.

Я взял его. Пальцы ощутили плотность бумаги. На конверте не было адреса, только мое имя, выведенное изящным, твердым почерком.

Я вскрыл его. Внутри была короткая записка:

«Ваш голос — это эхо, которое не должно затихнуть. Ждем вас для частного выступления на благотворительном вечере в конном клубе. Поселок Дубрава. Анонимный спонсор».

Дубрава.

Как только я прочитал это слово, в висках вспыхнула резкая, режущая боль. Словно кто-то вонзил в мозг раскален-

ную спицу. Я покачнулся и оперся рукой о стол, едва не смахнув флаконы с гримом.

Перед глазами поплыли багровые пятна. Звук... звук мотора, захлебывающегося в небе. Крик, который обрывается на самой высокой ноте. И это название — «Дубрава» — оно билось в моей голове, вызывая первобытный, животный ужас. И одновременно — дикое, почти болезненное желание немедленно, сию же секунду оказаться там.

Я сжал записку в кулаке. Бумага смялась, хрустнув.

— Кто ты? — прошептал я, глядя на свое отражение. — Зачем ты зовешь меня туда?

Я знал, что поеду. Даже если это ловушка. Даже если «Дубрава» — это место, где я окончательно превращусь в пепел. Потому что за этим названием скрывалось что-то, что было важнее моей новой жизни. Там была правда, которая ждала меня десять лет.

Я подошел к вешалке, снял свой повседневный пиджак и накинул его на плечи. Камень в кармане снова потеплел.

Сегодня что-то изменилось. Невидимая нить не просто натянулась — она начала тянуть меня за собой. В туман. В «Дубраву». К женщине со смехом, похожим на хрусталь.

Я вышел из телецентра в прохладу московского вечера. Город шумел, сиял огнями реклам, жил своей суетной жизнью. А я стоял на тротуаре и чувствовал, как за моей спиной рассыпается в прах всё, что я строил эти годы. Николай Светлаков умирал. Из пепла начинало проступать нечто иное.

Скоро я узнаю, кто я. Или погибну окончательно.

Я вдохнул полной грудью. Воздух пах бензином и дождем, но в нем уже отчетливо слышался запах хвои. Запах моего начала и моего конца.

Глава 7

Шампанское в моем бокале выдохлось, превратившись в безвкусную желтоватую жидкость. Я смотрела на пузырьки, медленно поднимающиеся со дна, и чувствовала себя точно так же: пустой, выветрившейся, лишенной искр. Вокруг бушевал праздник. Мой праздник. Десять лет брака, которые гости чествовали с таким пылом, будто мы совершили коллективный подвиг.

— Дорогая, ты сегодня удивительно молчалива, — ладонь Стаса опустилась на мою лопатку.

Его пальцы, горячие и властные, едва заметно сжали изумрудный шелк платья. Этот жест предназначался не мне, а окружающим — маркировка территории. «Смотрите, это всё моё. И эта женщина, и этот дом, и этот успех».

— Просто устала, Стас, — я выдавила улыбку, которая, как мне казалось, должна была рассыпаться сухой штукатуркой. — Слишком много лиц, слишком много фальшивых восторгов.

— Фальшивых? — он приподнял бровь, и в его глазах на мгновение мелькнула сталь. — Кира, не порти вечер своим меланхоличным настроением. Люди пришли поздравить нас. Нас. Посмотри на Светлану, она светится от радости за нас.

Я перевела взгляд. Светлана стояла в паре метров, окруженная стайкой жен наших бизнес-партнеров. На ней было платье цвета запекшейся крови — агрессивное, вызывающее. Она действительно «светилась», но я-то знала природу этого сияния. Это был блеск мародера, который уже присмотрел себе самые ценные трофеи в еще не остывшем доме.

Наши взгляды встретились. Светлана приподняла бокал, едва заметно кивнув. В этом жесте было столько торжествующего яда, что меня едва не стошнило прямо на ковер.

— Мне нужно присесть. Голова раскалывается, — я прижала пальцы к вискам. — Наверное, из-за этих лилий. Слишком тяжелый запах.

— Иди, — Стас милостиво отпустил мое плечо. — Припудри носик, выпей воды. Но через пятнадцать минут жду тебя в зале. Мы будем разрезать торт.

Я кивнула и, стараясь сохранять величие «изумрудной иконы», направилась к выходу. Как только за моей спиной закрылись массивные двери банкетного зала, шум праздника превратился в приглушенный гул, похожий на шум прибоя в шторм.

Я не пошла в спальню. Мои ноги сами несли меня на второй этаж, в восточное крыло, где располагался кабинет Стаса.

Особняк в «Дубраве» всегда казался мне памятником гармонии. Я сама выбирала этот мрамор, эти светильники, эти ковры. Но теперь, проходя по коридору, я видела лишь де-

корации. Каждая картина на стене, каждая ваза в нише кричала о том, что всё это куплено на деньги, пахнувшие предательством.

У двери кабинета я замерла. Охрана была внизу, прислуга занята фуршетом. Я была одна.

Мастер-ключи, которые я отобрала у Стаса утром, тяжелым холодным комком лежали в потайном кармашке платья. Я выудила связку. Руки мелко дрожали, металл звякнул о металл — в этой тишине звук показался мне грохотом обвала.

Ключ вошел в скважину как в масло. Щелчок — и я внутри.

Кабинет Стаса всегда был его святыней. Здесь пахло сандалом, дорогим табаком и старой кожей. Темное дерево, массивные шкафы, тяжелые шторы, которые сейчас были плотно задернуты. Это было логово хищника, который привык выжидать в тени.

Я закрыла дверь на защелку и, не включая основной свет, прошла к его столу. В свете уличных фонарей, пробивающихся сквозь щели, комната выглядела как зазеркалье.

Первым делом я достала из ящика стола старый ноутбук. Стас хранил его здесь «для архива» — он никогда ничего не выбрасывал, считая информацию самым ценным ресурсом. Я знала пароль. Он не менял его годами — дата нашей свадьбы. Еще одна циничная деталь.

Экран вспыхнул, ослепив меня на секунду. Я быст-

ро нашла папку, скрытую глубоко в системных файлах. «Media_Archive».

Я надела наушники, которые лежали тут же. Пальцы летали по тачпаду. Вот они. Записи десятилетней давности. Евгений.

Это были любительские видео: наши поездки на природу, посиделки у камина. И записи его выступлений. Евгений обожал петь, он участвовал во всей возможной самодеятельности в университете, мечтал о большой сцене, но бизнес-империя отца требовала его участия.

Я включила запись его выпускного. Голос Жени — чистый, с характерной хрипотцой на высоких нотах, заполнил мои уши.

А затем я открыла в браузере фрагмент вчерашнего выступления Николая Светлакова.

Я слушала их по очереди. Снова и снова. Закрывала глаза, пытаясь абстрагироваться от лиц, от музыки, от времени.

Это была звуковая дактилоскопия. У Николая была та же манера «проглатывать» окончание слов в куплетах. Та же едва заметная пауза перед припевом, словно он собирал воздух в легкие по какой-то своей, особой схеме. Это нельзя было подделать. Даже спустя десять лет, даже с другим лицом — душа, выходящая через связки, оставалась прежней.

— Это ты, — прошептала я в темноту кабинета. — Боже, Женя, это действительно ты.

Слезы обожгли глаза, но я тут же смахнула их. Сейчас не

время для рыданий. Если он жив, если он вернулся, то почему он — Николай Светлаков? И почему Стас так спокоен?

Я подошла к сейфу, скрытому за картиной с изображением охоты. Еще один мастер-ключ. На этот раз замок сопротивлялся, словно не хотел пускать меня к тайнам своего хозяина. Но после третьего поворота дверца мягко поддалась.

Внутри сейфа царил образцовый порядок. Папки, разложенные по датам. Я искала ту самую.

«Комиссия. Объект 14-А».

Я вытащила папку и раскрыла её на столе. Внутри были отчеты авиационной комиссии Карелии. Фотографии обломков, схемы падения. Я быстро листала страницы, пока не наткнулась на акт опознания.

Документ был сухим и официальным. «Идентификация тел на месте крушения невозможна ввиду термического воздействия и разрушения конструкции... Рекомендуется идентификация по косвенным признакам и личным вещам».

Я замерла.

Десять лет назад Стас пришел ко мне, чернее тучи. Он держал меня за плечи и говорил: «Кира, я был там. Я видел его. Это он, я опознал его по лицу, несмотря на... всё. Тебе не нужно туда ехать, сохрани его в памяти живым».

Я поверила. Я не поехала на опознание, потому что была раздавлена, а Стас «спас» меня от этого кошмара.

Но отчет говорил об обратном. Лица не было. Идентификация была невозможна.

Значит, он лгал. Он сознательно «захоронил» Евгения, опираясь только на часы и обрывки одежды, которые нашли в лесу. Или... он знал, что Женя жив?

Я начала лихорадочно перерывать оставшиеся бумаги. На самом дне, под кипой договоров на покупку земли для конного клуба, лежала тонкая папка из прозрачного пластика.

В ней был страховой полис компании «Global Aviation Trust». Страхование жизни и имущества Евгения Комлева. Дата оформления — за две недели до вылета.

Я впиалась глазами в строчки. Выгодоприобретателем в случае смерти значилась компания «Apex Holdings».

Я быстро вбила название в поиск на ноутбуке. Сеть выдала цепочку офшоров. Кипр, Британские Виргинские острова... и наконец, конечный бенефициар.

Станислав Субботин.

Холод, начавшийся в конюшне утром, теперь превратился в ледяной панцирь. Сумма страховки была астрономической. Таких денег хватило бы не просто на «Дубраву», а на целую флотилию таких клубов.

Стас не просто «подставил плечо» бедной вдове. Он заработал миллионы на исчезновении друга. Он выстроил наше «счастье» на крови человека, который ему доверял. И он сделал всё, чтобы этот человек никогда не вернулся.

Чек на «локализацию объекта», который я видела во флигеле, окончательно встал на свое место. Стас нанял частных, чтобы найти Женю раньше спасателей. И, судя по всему,

они его нашли. Но вместо больницы Женя оказался в глухой карельской деревне у целительницы, с перекроенным лицом и стертой памятью. А Стас получил страховку и меня в придачу.

— Мерзавец, — выдохнула я, сжимая края стола так, что костяшки побелели. — Какой же ты мерзавец.

В этот момент за дверью послышались шаги. Тяжелые, размеренные. Стас.

Я замерла, боясь даже дыхнуть. Ноутбук всё еще светился, сейф был открыт, бумаги рассыпаны по столу. Если он войдет сейчас — мне конец. Он не просто отберет Андрея, он уничтожит меня.

Ручка двери дернулась. Один раз. Второй.

— Кира? Ты здесь? — его голос прозвучал приглушенно, но в нем отчетливо слышалось подозрение. — Кира, открой дверь. Я знаю, что ты не в спальне.

Я лихорадочно начала сгребать бумаги обратно в сейф. Захлопнула ноутбук. Ключи! Где ключи?

Шаги за дверью затихли на секунду, а потом я услышала скрежет металла. У него был свой ключ. И он уже вставлял его в замочную скважину.

В дверь начали настойчиво стучать.

— Кира! Открывай немедленно, или я вызову охрану!

Я захлопнула сейф и задвинула картину «Охота» на место в тот самый момент, когда замок щелкнул.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Стас. Его лицо в по-

лумраке кабинета выглядело как маска инквизитора. Глаза сузились, сканируя комнату. Он медленно перевел взгляд на меня, стоящую у окна, и на мои руки, которые я прятала за спиной.

— И что же ты здесь ищешь, дорогая? — его голос был тихим, вкрадчивым и опасным, как шипение змеи перед броском. — Неужели решила заняться бухгалтерией в наш юбилей?

Глава 8 (Стас)

(от лица Стаса)

Я медленно закрыл дверь, наслаждаясь тем, как мягко щелкнул замок. В этом кабинете каждый звук был выверен годами, как и вся моя жизнь. Я не спешил включать свет. В полумраке, прорезанном лишь полосками лунного света сквозь тяжелые шторы, Кира казалась призраком в изумрудном саване. Красивым, дорогим и чертовски не вовремя решившим взбунтоваться призраком.

Она стояла у окна, застыв, как одна из тех антикварных статуй, что мы продаем на аукционах. Руки спрятаны за спину — этот жест я знал слишком хорошо. Так она скрывала дрожь, когда мы только поженились и она боялась каждого громкого звука. Но сейчас в её позе не было страха. Было что-то другое. Напряжение натянутой струны, которая вот-вот лопнет и хлестнет меня по лицу.

— Прятки в темноте, Кира? — я прошел к столу, намеренно сокращая дистанцию. — Гости внизу ждут хозяйку вечера, шампанское льется рекой, а ты заперлась в моем кабинете. Неужели юбилейный торт пугает тебя больше, чем перспектива прослыть невежливой хозяйкой?

Я протянул руку и включил настольную лампу. Латунный абажур отбросил плотный круг теплого света на зелёное сукно стола. Кира зажмурилась, и на секунду я увидел её насто-

ящую — изможденную, с лихорадочным блеском в глазах.

— Я просто хотела тишины, Стас, — голос её был ровным, но я чувствовал, как за этой ровностью скрывается лавина. — Здесь всегда пахнет тобой. Это... отрезвляет.

Я усмехнулся, опускаясь в кожаное кресло. Оно приняло меня, как старого друга.

— Ты всегда была склонна к драматизму. Эксперт по камням, тонкая натура. Наверное, это побочный эффект профессии — искать трещины там, где их нет.

Я скользнул взглядом по стене. Картина «Охота» висела на месте. Мой сейф был в безопасности. Кира не могла его открыть — у неё не хватило бы ни духу, ни ума подобрать код. Но само её присутствие здесь, в моем святилище, раздражало. Она была как соринка в глазу — крошечная, но мешающая видеть перспективу.

— Знаешь, дорогая, — я вальяжно откинулся на спинку, — последнее время ты ведешь себя странно. Эти побеги в конюшню, этот безумный взгляд... Я начинаю всерьез беспокоиться о твоём здоровье. Помнишь, как было десять лет назад? Твоя психика тогда едва не рассыпалась в прах. Я собрал тебя по кусочкам, Кира. Я построил вокруг тебя этот мир, чтобы ты чувствовала себя в безопасности. А ты... ты начинаешь в нем галлюцинировать.

Я видел, как она вздрогнула. Попал. Газлайтинг — это искусство. Если долго внушать человеку, что он болен, он в

конце концов сам начнет искать у себя симптомы.

— Ты называешь правду галлюцинациями? — она сделала шаг к свету. — Измену — юридической тонкостью? А ложь длиной в десять лет — заботой?

Я рассмеялся. Громко и чисто.

— О, Света... Ты об этом? Моя маленькая интрижка с юристом так сильно задела твое самолюбие? Кира, мы взрослые люди. В нашем кругу брак — это партнерство. Я обеспечил тебе жизнь, о которой мечтают миллионы. У тебя есть «Дубрава», у тебя есть статус, у тебя есть Андрей. Мои личные разрядки на стороне не имеют к этому никакого отношения. Это просто гигиена. Ты слишком холодна, слишком «изумрудна» в постели. Тебе всегда важнее были тени прошлого, чем живой муж.

Я встал и подошел к ней. Она не отступила. Это было ново. Раньше она всегда склоняла голову.

— Ты забываешься, Кира. Посмотри вокруг. Чьи это стены? Чьи это деньги? Камни, что висят у тебя на ушах — мои. Платье на тебе — куплено мной. Даже воздух, которым ты дышишь в этом поселке, оплачен моими счетами. По нашему брачному контракту, который ты подписывала в состоянии «глубокой благодарности», ты — никто без меня. У тебя нет долей, нет прав. Есть только моё милосердие.

Я намеренно давил голосом, заполняя собой простран-

ство. Мне нужно было, чтобы она снова почувствовала себя той маленькой, потерянной девочкой в больничном халате.

— А теперь, — я потянулся к графину с водой, — мы вернемся в зал. Ты улыбнешься гостям, мы разрежем торт, а завтра ты подпишешь бумаги, которые подготовила Светлана. Это нужно для реструктуризации. Для будущего Андрея. Если ты, конечно, хочешь, чтобы у него было это будущее.

Кира вдруг странно склонила голову. В её взгляде появилось нечто такое, от чего у меня внутри шевельнулся холодный червь тревоги.

— Будущее Андрея... — повторила она. — Ты так часто прикрываешься им, Стас. Но что ты скажешь о Николае Светлакове? О его голосе? О том, что пепел, оказывается, умеет петь?

Я замер. Рука с графином застыла на полпути. Горло внезапно пересохло, а сердце пропустило удар, больно толкнувшись в ребра.

— Это... — я попытался сказать это небрежно, но голос предательски дрогнул. — Это просто дешевый калека из телевизора. Перекроенная рожа, удачное подражание. Ты сошла с ума, если ищешь в нем черты мертвеца.

Я потянулся за стаканом. Пальцы, чертовы пальцы, начали мелко, противно дрожать. Стекло бокала звякнуло о горлышко графина — этот звук в тишине кабинета показался мне грохотом барабанов. Я быстро наполнил стакан и выпил его залпом, чувствуя, как ледяная вода обжигает пищевод.

— Ты боишься, — констатировала она. — У тебя дрожат руки, Стас. Ты всегда так делаешь, когда заврался окончательно. Ты опознал его вещи, ты сказал, что видел его лицо. Но в отчетах комиссии написано — опознание по лицу было невозможно.

Я поставил стакан на стол слишком резко. Вода выплеснулась на сукно, расплываясь темным пятном.

— Хватит! — я сорвался на крик. — Хватит этого бреда! Ты бредишь, Кира! Твой Женя сгнил в карельских лесах десять лет назад! Если ты еще раз произнесешь имя этого певца или начнешь свои безумные сравнения — я закрою тебя в клинике. Официально. Навсегда. Психоз на почве утраты — отличный диагноз. Я найду десяток врачей, которые его подтвердят.

Я подошел к ней вплотную и больно схватил за подбородок, заставляя смотреть мне в глаза. Вблизи она пахла не только своими цветочными духами, но и тем самым запахом сосен, который преследовал меня в кошмарах.

— Послушай меня внимательно, Искристая, — я перешел на шипение. — Ты можешь играть в детектива, можешь ненавидеть меня за Светлану, мне плевать. Но если ты сделаешь хоть один шаг в сторону этого Светлакова или попытаешься оспорить мой авторитет — ты потеряешь всё.

Я почувствовал, как она пытается вырваться, но я сжал пальцы сильнее.

— Андрей... Он мой сын по документам. Я — его законный отец. Ты — нестабильная женщина с историей психических расстройств. Понимаешь, к чему я клоню? Я добьюсь лишения тебя родительских прав за один день. Я увезу его так далеко, что ты не найдешь его даже с помощью Интерпола. Он будет расти, зная, что его мать — сумасшедшая, которая бросила его ради своих фантазий.

Я видел, как в её глазах вспыхнул ужас. Тот самый первобытный, материнский ужас, на котором я строил свою власть.

— Выбирай, — я отпустил её подбородок, брезгливо вытирая ладонь о платок. — Или ты сейчас выходишь со мной под руку, сияешь, как положено Субботиной, и завтра подписываешь все документы, признавая мою полную власть над активами. И тогда мы продолжаем жить в нашей «сказке». Или... или ты просыпаешься завтра в палате с мягкими стенами, а Андрей улетает со мной в Штаты. Без права переписки.

Я поправил орхидею в петлице и посмотрел на часы.

— У тебя тридцать секунд, Кира. Торт не ждет. Анонимный спонсор шоу «Голос», как ты понимаешь, тоже может оказаться очень влиятельным человеком, способным стереть любую карьеру в порошок. Твой певец исчезнет так же быстро, как и появился.

Я открыл дверь и жестом пригласил её выйти.

— Ну же. Покажи гостям, какая мы идеальная пара. Андрей ждет нас в зале. Не заставляй мальчика разочароваться в матери.

Я смотрел на её прямую спину, на то, как она медленно, через силу, расправляет плечи. Она была сломлена. Я был уверен в этом. Сын — это крючок, с которого она не сорвется никогда.

Мы вышли в коридор. Из банкетного зала уже доносились звуки туша (приветствие). Я взял её под руку, чувствуя, как она окаменела.

— Улыбайся, — шепнул я ей на ухо. — И помни: пепел молчит. А те, кто пытаются заставить его говорить, обычно сами превращаются в пыль.

Я шагнул в сияние банкетного зала, сияя своей самой обворожительной улыбкой. Я был королем. Я был хозяином. И никакие тени из прошлого не могли отобрать у меня то, что я честно украл.

Вечер продолжался. Праздник лжи был в самом разгаре. И я собирался насладиться каждым мгновением своего триумфа.

Глава 9

Юбилейный банкет оставил после себя липкое послевкусие дешевого спектакля, хотя бюджет декораций исчислялся миллионами. Проснувшись, я еще несколько минут лежала с закрытыми глазами, впитывая тяжелую тишину спальни. В воздухе всё еще висел густой, приторный запах лилий — Стас всегда настаивал на огромных охапках этих цветов. Теперь я понимала почему: их аромат идеально перебивал запах гнили, исходящий от нашего брака.

Сбоку послышалось шуршание. Стас встал раньше и теперь застегивал часы. В зеркале я видела его отражение: безупречно выбрит, свеж, в глазах — холодная уверенность победителя. Вчерашний разговор в кабинете он, очевидно, считал своей окончательной победой. Он считал, что раздавил меня угрозой отобрать Андрея.

— Доброе утро, Искристая, — он подошел к кровати и навис надо мной, загораживая свет. — Ты вчера была великолепна. Гости до сих пор шлют восторженные сообщения. Видишь, как просто быть счастливой? Нужно всего лишь слушаться мужа.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку, и я заставила себя не дернуться. Его кожа пахла дорогим лосьоном и торжеством.

— У меня раскалывается голова, Стас, — я прикрыла глаза рукой. — Наверное, из-за этих цветов. Хочу съездить в город, в клинику. И, возможно, зайти в аптеку за теми сильными мигренозными каплями.

Стас замер. Я чувствовала, как он сканирует меня, пытаюсь угадать, нет ли в моих словах двойного дна.

— В город? — в его голосе прорезалось подозрение. — Я могу попросить Светлану привезти тебе всё необходимое. Она всё равно собиралась заскочить в офис.

Упоминание Светланы обожгло меня, как удар хлыстом. Его любовница в роли курьера для «больной» жены — верх его цинизма.

— Нет, мне нужно показаться врачу. Кровь сдать, давление проверить. После вчерашнего стресса... я чувствую себя неважно. Ты же сам говорил, что я выгляжу «нестабильной». Не хочу, чтобы это переросло во что-то серьезное.

Мой аргумент сработал. Стас довольно усмехнулся. Ему нравилось, что я сама признаю свою слабость. Это лило воду на мельницу его плана по признанию меня неменяемой, если я вздумаю бунтовать.

— Хорошо. Езжай. Но к обеду будь дома. У нас встреча с оценщиками по новому участку, — он похлопал меня по плечу, как породистую кобылу, и вышел.

Как только дверь за ним закрылась, я вскочила. Сборы заняли десять минут. Я надела строгий темно-серый костюм — свою рабочую броню. Андрей еще спал, и я лишь на секунду

заглянула в его комнату, коснувшись губами его волос. «Я справлюсь, маленький. Клянусь, я справлюсь».

Офис Виталия Егорова находился в старом доходном доме в центре города. Здесь не было панорамного остекления, лофта и пафосных ресепшенов. Только тяжелые дубовые двери, скрипучий паркет и запах, который я узнала бы из тысячи — смесь сургуча, старой бумаги и хорошего трубочного табака.

Виталий Павлович встретил меня на пороге своего кабинета. Он почти не изменился за те годы, что мы не виделись: те же внимательные глаза за стеклами роговых очков, та же привычка чуть сутулиться под тяжестью знаний, которые он хранил. Мой отец называл его «совестью адвокатуры». Стас же называл его «старым хрычом, застрявшим в прошлом».

— Кира Александровна, — он взял мои руки в свои, сухие и теплые. — Я ждал твоего звонка. Но, признаться, надеялся, что повод будет более радостным.

Он усадил меня в глубокое кожаное кресло и поставил передо мной чашку крепкого чая.

— Рассказывай. Всё. Без купюр.

И я рассказала. О салфетке с адресом Светланы. О подслушанном разговоре в лесополосе. О документах на «ликвидацию активов», которые я сфотографировала. И, наконец, о шоу «Голос». О Николае Светлакове, который поет голосом моего мертвого жениха, и о чеке на «локализацию объекта», найденном в сейфе Стаса.

Виталий Павлович слушал, не перебивая. Только один раз его брови сошлись на переносице, когда я упомянула об угрозах Стаса отобрать Андрея через признание меня невменяемой.

Когда я замолчала, в кабинете повисла тяжелая тишина. Адвокат медленно протер очки платком, глядя куда-то сквозь меня.

— Станислав всегда был... амбициозен, — наконец произнес он. — Но это... это уже за гранью простого стяжательства. Дай мне посмотреть контракт.

Я выложила на стол распечатки фотографий, которые сделала во флигеле Светланы. Виталий погрузился в чтение. Время тянулось, как расплавленный свинец. Слышно было только тиканье старинных напольных часов и мое неровное дыхание.

— Кира, — он поднял на меня взгляд. — Должен быть честен. Стас подготовил не просто контракт. Это капкан с двойным дном. Пункт двенадцать-три: «В случае выявления у супруги диагностированных психических отклонений или затяжных депрессивных состояний, подтвержденных медицинским освидетельствованием, право опеки над несовершеннолетними детьми и право управления семейными активами переходит к супругу в полном объеме».

— Но я здорова! — воскликнула я. — Он сам довел меня до этого состояния!

— В этом и проблема, — Виталий вздохнул. — У него

есть Светлана — юрист, которая съела собаку на таких делах. И у него есть деньги, чтобы купить заключение любой частной клиники. Твоя «одержимость» погибшим женихом, твои слезы у телевизора, твои ночные вылазки — он уже фиксирует это как доказательства твоего безумия. Если ты сейчас просто подашь на развод из-за измены, он выставит это как симптом твоей паранойи. Измену он назовет «случайной ошибкой на фоне тяжелой обстановки дома», а тебя — опасной для ребенка матерью.

Я почувствовала, как в кабинете стало холодно.

— Значит, я в ловушке? Он может забрать Андрея и выкинуть меня на улицу?

— Юридически — да, — Виталий подался вперед. — Если мы будем играть по его правилам. Но есть одна лазейка. Этот контракт теряет силу, если будет доказан *преступный умысел* одной из сторон при его заключении. Или если будет доказано совершение уголовного преступления в отношении супруга.

— Тот чек в Карелию... — я коснулась фотографии. — И страховка на жизнь Жени, которую Стас получил через офшоры. Это оно?

— Это — ниточка, — адвокат постучал пальцем по снимку акта опознания. — Смотри. Здесь написано, что идентификация была невозможна. А Стас сказал тебе, что видел Женю. Это подлог. Ложные показания, на основании кото-

рых он получил страховые выплаты. Это мошенничество в особо крупных размерах. А если мы докажем, что он знал, что Евгений жив, и намеренно скрыл это... это уже похищение или оставление в опасности.

Я сглотнула.

— Виталий Павлович, я может тороплюсь, но я отправила приглашение этому певцу на благотворительный вечер в «Дубраве».

Адвокат замер.

— Кира, это безумие. Ты хочешь привести живое доказательство преступления прямо в логово преступника?

— Это единственный способ. Стас уверен, что Женя — пепел. Вчера, когда он слышал его голос, у него дрожали руки. Впервые за десять лет я видела, как он боится. Если Николай Светлаков появится в нашем доме, если он начнет вспоминать... Стас совершит ошибку. Он обязательно дернется. А мне нужно, чтобы он показал свое истинное лицо не в темном кабинете, а при свидетелях.

— Ты хочешь использовать его как наживку? — Виталий нахмурился. — А если этот Николай — действительно просто двойник? Или если он ничего не помнит? Ты подставишь его под удар. Стас не станет церемониться.

— Я не дам его в обиду, — я твердо посмотрела в глаза адвокату. — Я организовываю благотворительный вечер в

конном клубе. Приглашу прессу, меценатов. Николай будет приглашенной звездой. В свете софитов Стас не сможет его тронуть.

Виталий Павлович долго смотрел на меня, и в его взгляде я впервые увидела уважение.

— Ты повзрослела, Кира. Твой отец гордился бы тобой. Но ты должна понимать: ты идешь по тонкому льду.

Он встал, подошел к сейфу в углу кабинета и достал небольшое устройство, похожее на флешку.

— Возьми. Это диктофон последнего поколения. Он пишет звук даже через плотную ткань и передает запись сразу в облако. Носи его с собой всегда. И вот еще что...

Он положил руку мне на плечо.

— Стас опасен. Сейчас он играет в «цивилизованного шантажиста». Но если он поймет, что ты копаешь под аварию десятилетней давности, если он почует реальную угрозу своему состоянию и свободе... он не остановится перед насилием. Для таких, как он, люди — это просто строки в расходной ведомости. Будь осторожна. Не оставайся с ним наедине в закрытых помещениях.

Я сжала диктофон в ладони.

— Я уже десять лет живу в одной клетке с хищником, Ви-

талий Павлович. Я научилась чувствовать запах его ярости.

— Хорошо, — он кивнул. — Я начинаю проверку по офшорам «Арех Holdings». Постараюсь найти связь со страховщиками в обход Светланы. А ты... готовь свой вечер. И помни: как только этот Николай переступит порог «Дубравы», пути назад не будет.

Я вышла из офиса Виталия, и яркое солнце на мгновение ослепило меня. Город шумел, люди спешили по своим делам, не подозревая, что рядом с ними идет женщина, которая только что объявила войну дьяволу.

Я села в машину. Строчки письма, которое я вчера отправила Николаю Светлакову промелькнули перед глазами"«Ваш голос — это эхо, которое не должно затихнуть. Ждем вас для частного выступления на благотворительном вечере в конном клубе. Поселок Дубрава. Анонимный спонсор»...

-Он придет, он обязательно придет, я это чувствовала....

Стас думал, что пепел молчит. Но он забыл, что иногда из пепла рождается искра, способная сжечь всю его любовно выстроенную ложь до основания.

И эта искра скоро возвратится домой.

Глава10 (Светлана)

(от лица Светланы)

Ватный диск, пропитанный дорогим мицеллярным составом, мягко скользил по скуле, стирая слой безупречного тонального крема. Я смотрела в зеркало, не мигая. В отражении застыла женщина, которую многие в этом поселке считали эталоном: острый подбородок, филлеры, превратившие губы в чувственный бутон, и глаза — холодные, как лед в бокале с джином.

Сегодня утром «ледяная икона» Субботиных треснула. И я была той, кто с удовольствием смотрел на разлетающиеся осколки.

Я бросила использованный диск в корзину и удовлетворенно хмыкнула. То, что Кира застучала нас во флигеле, не было досадной случайностью. В глубине души я этого ждала. Десять лет я играла роль преданной подруги, выслушивала её пресные рассказы о лошадях, о «чудесном спасении» их с Женей сына, о её вечной, непроходящей боли. Десять лет я пила её коллекционный чай, чувствуя на языке вкус желчи.

Теперь маски были сорваны. Больше не нужно было изображать сочувствие. Больше не нужно было обнимать её при встрече, подавляя желание оттолкнуть эту «святошу» так сильно, чтобы она наконец упала со своего пьедестала.

Я нанесла на лицо ночную сыворотку — каждое движе-

ние выверено, почти ритуально. Стас ценил мой уход за собой. Он всегда говорил, что Кира — это антиквариат, который нужно хранить под стеклом, а я — живая энергия, огонь, который согревает его по ночам. Но Стас — глупец. Он до сих пор думает, что он здесь главный. Он не понимает, что без моей юридической хватки и моей ненависти он бы так и остался вечным «номером два» при блистательном Евгении Комлеве.

Внизу хлопнула дверь. Тяжелые, неритмичные шаги. Стас. Опять взвинчен, опять на грани.

Я накинула шелковый пеньюар цвета ночного неба и спустилась в гостиную. Стас стоял у бара, наливая себе виски. Бутылка мелко стучала о край стакана. Его смокинг был растянут, галстук свисал, как удавка.

— Она была в кабинете, — прохрипел он, не оборачиваясь. — Я застал её у окна. Она нашла ключи, Света. Мастер-ключи от сейфа.

Я подошла к нему сзади, положила ладони на его напряженные плечи. Сквозь тонкую ткань рубашки я чувствовала, как его колотит мелкая дрожь. Сильный, властный Станислав Субботин... В такие моменты он напоминал мне нашкодившего мальчишку, который боится, что его высекут.

— И что она увидела? — мой голос был тихим, умиротворяющим, как у змеи-искусительницы. — Она вскрыла сейф?

— Не знаю, — он залпом выпил виски и поморщился. — Сейф был закрыт, картина на месте. Но она... она говорила

о Светлакове. О том, что голос из телевизора — это не галлюцинация. Света, она копает под аварию. Она вспомнила про отчеты комиссии.

Я усмехнулась, прижимаясь щекой к его спине.

— Пусть копает. Что она найдет? Бумаги, которые я сама вычитывала перед тем, как они легли в архив? Страховку, которую мы обналичили через три офшора? Стас, успокойся. Кира — не детектив. Она — женщина, у которой рушится мир. Сейчас она просто ищет виноватых.

— Она угрожает забрать Андрея! — Стас резко развернулся, едва не сбив меня с ног. Его глаза были налиты кровью. — Она хочет развода!

— Развода? — я приподняла бровь. — Прекрасно. Пусть подает. Ты же помнишь пункт двенадцать-три нашего контракта? «Психическая нестабильность». Её утренний визит к нам, её ночное бдение у телевизора, её вечные разговоры о мертвеце — это готовый диагноз. Мы представим её увлечение этим Светлаковым как эротоманический бред. Ни один суд не оставит ребенка женщине, которая путает реальность с музыкальным шоу.

Стас посмотрел на меня с надеждой, и я в очередной раз поразилась тому, как легко им манипулировать. Нужно было просто дать ему почувствовать себя хищником, даже если на самом деле он был лишь моей марионеткой.

— Ты думаешь, это сработает? — прошептал он.

— Я знаю, что это работает. Я уже связалась с парой экспертов. Завтра, когда эйфория от праздника уляжется, мы начнем процесс. Кира уйдет из «Дубравы» с одним чемоданом воспоминаний. А Андрей... Андрей останется с «любящим отцом». И со мной.

Я взяла его за руку и повела к дивану. Мне нужно было, чтобы он расслабился. Мне нужно было, чтобы он снова стал моим послушным инструментом.

Но пока Стас жаловался на «неблагодарность» жены, мои мысли были далеко. В том времени, которое я пыталась выжечь из памяти, но которое возвращалось ко мне в каждом сне.

Двенадцать лет назад. Корпоративный выезд в горы. Женья... Блистательный, недостижимый Евгений Комлев. Он был солнцем, вокруг которого вращались мы все. И Кира — его бледная луна, его тень, его «Искра».

Я помню тот вечер. Дождь барабанил по крыше шале. Я пробралась к нему в кабинет, когда Кира уже ушла спать. На мне было платье, которое не оставляло места для фантазий. Я предложила ему себя. Не просто секс — я предложила ему свою преданность, свой острый ум, свою готовность идти по головам ради его империи.

Я до сих пор помню его взгляд. Не возмущение, не гнев. Хуже. Сочувствие.

«Света, ты талантлива, — сказал он тогда, не отрываясь

от чертежей. — Но ты никогда не станешь для меня никем, кроме юриста. Для меня существует только Кира. Только она одна».

Это «только одна» стало моим приговором. И моим топливом.

Когда самолет упал, я не плакала. Я первая позвонила Стасу. Я первая подсказала ему, что смерть друга — это не трагедия, а инвестиция. Пока Кира рыдала в подушку, мы со Стасом выстраивали схему, которая сделала нас хозяевами жизни.

— Света? Ты меня слышишь? — голос Стаса вернул меня в реальность.

— Да, дорогой. Я слышу. Иди поспи. Завтра будет трудный день. Кира устраивает благотворительный вечер и мы должны там присутствовать.

Когда Стас наконец ушел наверх, я не последовала за ним. В моем доме была комната, куда не имел доступа никто, даже он. Маленькая гардеробная, заставленная коробками с обувью. За одной из полок скрывался небольшой сейф.

Я открыла его, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Внутри не было золота. Там лежал небольшой бархатный мешочек цвета запекшейся крови.

Я достала содержимое и положила на ладонь. Тяжелые мужские часы. Марка, которую носят только короли или те, кто мнит себя таковыми. Стекло было разбито вдребезги, стальной корпус помят, а стрелки замерли навсегда.

Три часа сорок минут. Время, когда небо рухнуло.

Я нашла их сама. Десять лет назад я приехала на место крушения через три дня после того, как Стас «опознал» вещи. Поисковики уже ушли, оставив после себя лишь вытоптанную грязь и запах горелого керосина. Я бродила по лесу, как привидение, пока мой каблук не наткнулся на что-то твердое в колее от вездехода.

Это был мой трофей. Моя личная победа над Кирой.

Я провела пальцем по чуть треснувшему циферблату.

— Ты выбрал её, Женя, — прошептала я в пустоту комнаты. — Ты выбрал свою «Искру». И посмотри, что стало с твоей любовью. Она живет с убийцей. Она спит в постели, купленной на твои кости. И её сын называет папой человека, который перерезал тебе горло твоим же успехом.

Я почувствовала, как по лицу расплзается улыбка — горькая и сладкая одновременно.

Кира думает, что она сильная. Она думает, что голос из телевизора вернет ей прошлое. Но она не понимает, что прошлое — здесь, в моих руках. И я не отдам его никому.

Я убрала часы обратно в мешочек и закрыла сейф.

Завтра будет "жаркий" вечер. И я сделаю всё, чтобы этот вечер стал последним актом драмы под названием «Жизнь Киры Субботиной».

Я не просто юрист. Я — архитектор судеб. И если для того, чтобы стереть память о Жене, мне нужно будет тут сжечь все дотла, я сделаю это, не дрогнув. Потому что пепел должен оставаться пеплом. А те, кто пытаются его раздуть, неизбежно сгорают сами.

Я выключила свет в гостиной и начала медленно подниматься по лестнице. Впереди была длинная ночь. Ночь, полная планов и призраков, которые больше не имели надо мной власти.

Я выиграла десять лет назад. И я выиграю снова. Кира Субботина еще не знает, что её «благотворительный вечер» станет её собственными поминками. И я буду той, кто пронесет самый трогательный тост.

Глава 11

Билеты в один конец обычно не пахнут дорогим парфюмом и свежескошенной травой. Но мой пах именно так.

Я стояла у окна своего кабинета в административном здании конного клуба, глядя, как рабочие затягивают трибуны манежа тяжелым белым шелком. На улице догорал закат, окрашивая сосны «Дубравы» в багрянец. Сегодняшний вечер стоил мне последних личных сбережений — тех самых, что я годами откладывала, тайно реализуя наследство матери. Стас заблокировал мои счета, думая, что финансовый голод сделает меня послушной. Он забыл, что я эксперт по камням. Те сапфиры, что я сдала в ломбард через доверенное лицо, превратились в чемоданчик наличности, которой хватило, чтобы перекупить график Николая Светлакова.

Официально это был «Благотворительный вечер в поддержку иппотерапии». Стас одобрил его, считая, что я просто пытаюсь загладить свою «вину» за утреннюю истерику. Он и представить не мог, КТО станет главным гостем.

— Кира Александровна, гости прибывают. Stanislaw Сергеевич и Светлана Юрьевна уже на террасе, — Марта, мой администратор, заглянула в кабинет. — Они спрашивают, почему программа вечера до сих пор не роздана?

— Скажи, что это сюрприз. Маленькая интрига для при-

влечения внимания спонсоров, — я поправила воротник строгого жакета. Сегодня на мне не было изумрудного шелка. Только графитовый атлас — холодный и непроницаемый, как броня.

Я вышла на веранду. Воздух «Дубравы» был густым от запаха сосен и дорогих сигар. Гости — элита города — уже потягивали шампанское.

Стас стоял в окружении партнеров, сияя белозубой улыбкой. Светлана, в платье цвета ночного неба, прижималась к нему чуть ближе, чем позволяли приличия. Они выглядели как победители, уже разделившие добычу. Когда Стас увидел меня, его взгляд наполнился самодовольным сочувствием. Он подошел, обнимая меня за талию — жест, который теперь казался мне прикосновением змеи.

— Прекрасно выглядишь, дорогая. Видишь, как полезно иногда прийти в чувство? — прошептал он мне на ухо. — Ну, что за тайный гость? Света уже извелась от любопытства. Надеюсь, ты не пригласила какую-нибудь заштатную оперную диву?

— О, тебе понравится, Стас. Это будет голос, который невозможно забыть, — я улыбнулась ему самой искренней из своих фальшивых улыбок.

Светлана подошла к нам, покачивая фужером.

— Кира, ты так загадочна. Надеюсь, твой «сюрприз» не пробьет дыру в нашем бюджете? Стас сказал, что ты потра-

тила какую-то безумную сумму наличными. Откуда они у тебя, кстати?

— Друзья помогли, Света. У меня их, в отличие от тебя, много, — я не дала ей ответить, потому что в этот момент к воротам манежа медленно подкатил черный седан.

Шум толпы начал стихать. Пресса, которую я пригласила в огромном количестве, вскинула объективы. Стас выпрямился, натягивая маску гостеприимного хозяина. Светлана прищурилась, пытаясь разглядеть пассажира сквозь тонировку.

— Наконец-то, — буркнул Стас. — Сейчас узнаем, ради кого ты пустила на ветер мои... наши деньги.

Водитель вышел и открыл заднюю дверь. Сначала появилась трость с серебряным набалдашником. А затем из машины вышел он.

Николай Светлаков.

В черном пальто, с высоко поднятым воротником, он выглядел как оживший призрак из старого кино. Вспышки камер превратили пространство в стробоскопический кошмар.

Я почувствовала, как Стас окаменел. Его рука на моей талии разжалась, а потом впилась в мой бок, но я даже не вздрогнула. Светлана издала странный звук — не то всхлип, не то подавленный вскрик — и выронила фужер. Хрусталь разбился о доски веранды, брызги шампанского окропили её туфли, но она этого не заметила.

Николай стоял у машины, не двигаясь. Он вдыхал воздух

«Дубравы» — смесь хвои, кожи и сена. Его лицо, это идеальное, восковое лицо, вдруг дернулось. Под кожей на виске запульсировала вена.

— Это... это кто? — голос Стаса стал сиплым, лишенным его обычной уверенности. Он смотрел на певца, и я видела, как по его лбу поползла крупная капля пота. Лицо Николая было чужим, но походка, наклон головы, манера опираться на трость...

— Николай Светлаков, — произнесла я, наслаждаясь каждым словом. — Тот самый певец из шоу, Стас. Ты ведь говорил, что пепел молчит? Кажется, ты ошибся.

Николай сделал шаг вперед. Трость гулко стукнула по гравию. Он поднял глаза на веранду. Его взгляд прошел мимо Стаса, мимо остолбеневшей Светланы и остановился на мне.

Шок Стаса был почти осязаемым. Он узнал его. Не по лицу — по ауре, по тому, как этот человек смотрел на его жену. Светлана вцепилась в перила так, что костяшки побелели. Её рот был приоткрыт, и в этом выражении лица я увидела первобытный ужас.

Я спустилась по ступеням веранды навстречу гостю. Пресса расступалась. Николай стоял, тяжело дыша. Его зрачки были расширены, он смотрел на конюшню, на старый флюгер-конь, на меня.

— Вам плохо? — я подхватила его под локоть, чувствуя, как его бьет крупная, лихорадочная дрожь.

Он не ответил сразу. Его взгляд метался по знакомым

очертаниям зданий. Николай пошатнулся, почти наваливаясь на меня. Его пальцы впились в мой рукав.

— Я знаю это место... — его голос был едва слышным шепотом, но Стас, стоявший в трех шагах выше, наверняка его услышал. — Эти деревья... запах... Они приходят ко мне в темноте.

Он медленно повернул голову ко мне. В его глазах отразилась такая невыносимая мука, что у меня перехватило дыхание.

— Кира... — выдохнул он. Всего одно слово. Но в нем было двенадцать лет разлуки, огонь авиакатастрофы и ледяной мох Карелии. — Откуда я тебя знаю? Почему мне кажется, что я умер здесь и здесь же родился?

Я посмотрела вверх, на Стаса. Мой муж стоял, вцепившись в бокал, который он все еще держал. Его лицо было пепельно-серым. Маска «благородного спасителя» рассыпалась, обнажая труса, который только что увидел свою казнь. Светлана рядом с ним выглядела так, будто сейчас упадет в обморок — её рука лихорадочно терла запястье, где под тканью скрывались те самые часы.

— Добро пожаловать Николай, — ответила я, не сводя глаз с мужа. — Мы все так долго вас ждали.

Крючок был заброшен. Ловушка захлопнулась. С этого момента «Дубрава» перестала быть их крепостью. Она стала местом их суда.

— Мама! — Андрей выбежал из-за колонны и замер, гля-

дя на Николая.

Певец перевел взгляд на мальчика. Его лицо снова искажилось от боли, он схватился за голову, и трость с грохотом упала на гравий.

— Кто это? — простонал Николай, глядя на Андрея. — Почему у него мои глаза?

В этот момент я поняла: Стас может угрожать мне чем угодно. Но правду крови он не сможет победить даже с армией адвокатов. Война официально началась. И первый выстрел был за мной.

Глава12(Николай)

(от лица Николая)

Мир вокруг меня перестал быть картинкой в телевизоре и превратился в ловушку, состоящую из запахов, звуков и пугающей до дрожи узнаваемости. Гравий под подошвами моих туфель хрустел так правильно, с таким знакомым акцентом, что у меня сводило челюсти. Я не знал этого места. Я был здесь впервые. Мои документы, мой паспорт на имя Николая Светлакова, моя изувеченная и заново собранная память — всё твердило, что это чужая территория.

Но мои ноги думали иначе.

Они сами обходили выступающие корни старых сосен. Они знали, где дорожка идет под уклон, а где нужно чуть замедлиться, чтобы не споткнуться о невидимый в сумерках бордюр.

Ладонь Киры на моем локте ощущалась как единственный якорь. Если бы она отпустила меня сейчас, я бы, наверное, просто рассыпался, превратился в тот самый пепел, о котором шептались за моей спиной в телецентре. Её пальцы через ткань пальто казались раскаленными. Я чувствовал её пульс — быстрый, неровный, испуганный. Или это был мой собственный?

— Нам нужно отойти отсюда, — прошептала она. — Здесь слишком много глаз.

Я не ответил. Я не мог. Горло перехватило спазмом, а в висках пульсировала такая тупая, тяжелая боль, будто кто-то вбивал туда медные гвозди.

Мы шли вглубь поместья. Шум толпы, вспышки камер, фальшивый смех и звон бокалов — всё это осталось позади, за белыми шелковыми ширмами манежа. Здесь, в тени огромных деревьев, пахло иначе. Смола. Влажная хвоя. И горький, едва уловимый дух озерной воды.

Этот запах ударил меня в грудь сильнее любого кулака. Я остановился, хватая ртом воздух.

— Николай? Вам плохо? — Кира заглянула мне в лицо. В сумерках её глаза казались двумя бездонными колодцами, полными надежды и ужаса одновременно.

— Я... я знаю этот поворот, — выдохнул я, указывая тростью в сторону темнеющих конюшен. — Там, за углом, должна быть старая голубятня. С флюгером, который скрипит, когда ветер дует с севера.

Я увидел, как она побледнела. Она не ответила, только крепче сжала мой локоть.

Мы пошли дальше. Мои пальцы, словно помимо воли, переплелись с её пальцами. Это не было жестом вежливости или просьбой о помощи. Это было инстинктивное движение тела, которое узнало своего хозяина. Моя рука знала изгиб её ладони так же хорошо, как музыкант знает гриф своей скрипки. Каждая мозоль, каждое прикосновение — всё ложилось в старые, полустертые пазы моей памяти.

Мы подошли к леваде. Дальней, отделенной от основного манежа густым кустарником. Там, в полумраке, переступал мощными ногами огромный вороной конь. Даже в темноте было видно, как перекачиваются мышцы под его лоснящейся кожей. Он фыркал, бил копытом, и в этом звуке была такая ярость, что любой разумный человек попятился бы.

— Это Гром, — тихо сказала Кира. — Стас не подпускает к нему никого. Он дикий. Он признает только...

Она не договорила. Я уже сделал шаг к ограде.

— Николай, осторожно! Он может ударить!

Я не слышал её. Вернее, слышал, но её голос доносился из-под толщи воды.

Я подошел к самому забору. Гром вскинул голову, его глаза сверкнули диким, первобытным огнем. Он заложил уши, готовясь к броску, его ноздри раздувались, выпуская пар в прохладный вечерний воздух.

Я протянул руку. Медленно. Без страха. Внутри меня не было ни тени сомнения. Я знал этого зверя. Я помнил его еще жеребенком, хотя мой мозг упорно твердил, что это невозможно.

— Тише, мальчик, — прошептал я. Голос мой изменился. Исчезла сценическая постановка, исчезла та осторожность, с которой я разговаривал в Москве. — Тише. Ты всё еще злишься на весь мир?

Конь замер. Весь его боевой напор испарился в одну секунду. Он перестал бить копытом. Он вытянул шею, жадно

втягивая запах, исходящий от моей ладони. А потом произошло то, от чего я услышал судорожный вздох Киры за спиной.

Гром — гордый, неуправляемый зверь, который не давался даже лучшим берейторам — медленно, почти торжественно склонил голову. Он уткнулся своим теплым, бархатным носом прямо в мою ладонь, издавая тихий, вибрирующий звук, похожий на стон облегчения.

В этот момент в моей голове что-то взорвалось.

Не картинка. Ощущение.

Вкус первой летней грозы на губах. Запах озона. И чьи-то руки — тонкие, сильные, — обвивающие мою шею. Смех, который звучал ярче любого солнца. И обещание. Какое-то очень важное обещание, которое я унес с собой в тот огонь.

Я закрыл глаза, прижимаясь лбом к холодному лбу коня. Его кожа пахла сеном и солью.

— Я вспомнил тебя, — прошептал я. — Я помню, как ты первый раз повалил меня в леваде...

— Николай... — Кира подошла ближе. Её голос дрожал. — Вы... вы не могли этого знать. Грома привезли сюда уже после... после того, как Евгений...

Она запнулась на его имени. На моем имени.

Я обернулся к ней. Моё лицо горело, хотя вечер был прохладным.

— Я не Николай, — сказал я, и это было похоже на признание в убийстве. — Николай Светлаков умер там, на сцене, полчаса назад. Здесь... здесь я чувствую себя так, будто у меня содрали кожу, и под ней оказался кто-то другой.

Она смотрела на меня, и я видел, как по её щекам текут слезы. Вспышки камер вдали казались теперь какими-то мелкими, ничтожными искрами.

Мы пошли дальше, к озеру. Вода была черной, неподвижной, как зеркало, в котором отражались первые звезды. Здесь было прохладнее. Воздух стал влажным.

Я смотрел на темную гладь и чувствовал фантомную тяжесть мокрой одежды. Я помнил, как вода обволакивала моё тело, как мы смеялись, пытаясь выбраться на берег. Это были не мысли — это были физические ощущения. Мои плечи помнили холод, мои губы помнили вкус её кожи.

Я повернулся к Кире. Она стояла совсем рядом. Такая близкая. Такая невозможная.

— Вы привезли меня сюда, чтобы я вспомнил, — сказал я. — Но вы понимаете, что я могу вспомнить то, что убьет нас обоих?

— Я просто хочу вернуть правду, — ответила она, и в её голосе я услышал ту самую сталь, которая была скрыта под шелком её образа. — Даже если эта правда выжжет всё вокруг.

Я хотел обнять её. Мои руки сами тянулись к ней, но я

испугался. Николай Светлаков, человек с перекроенным лицом и чужой биографией, не имел права касаться этой женщины. А тот, кем я был раньше... он всё еще прятался в тумане.

Мы начали возвращаться к главному дому. Свет из окон банкетного зала лился на газон длинными золотистыми прямоугольниками. Музыка стала громче — квартет начал играть что-то классическое, торжественное. Праздник лжи продолжался.

Я поднял голову.

На втором этаже, на широком балконе, огражденном кованой решеткой, стоял мужчина. Стас Субботин. Хозяин этого рая. Он стоял в тени, но свет из комнаты за его спиной обрисовывал его силуэт. Он держал в руке бокал, и я видел, как поблескивает лед в его виски.

В этот момент ветер дунул со стороны дома, принося с собой шлейф его парфюма. Дорогой, изысканный запах, смешанный с запахом хорошего табака.

И тут меня накрыло окончательно.

Это не была вспышка памяти. Это был инстинкт. Животный, первобытный сигнал опасности.

Мои ноздри раздулись. В горле возник привкус желчи. Я замер, и Кира, почувствовав мою перемену, тоже остановилась.

— Николай? Что с вами?

Я не мог оторвать взгляда от фигуры на балконе. В моем

сознании этот силуэт вдруг наложился на другой. Тот, что я видел в самом конце своего прошлого.

Огонь. Запах горелого металла. Липкий, сладковатый запах крови. И этот парфюм. Тот же самый запах дорогого одеколона, который ощущался рядом с обломками, когда небо превратилось в черную дыру.

— Уходите от него, Кира, — мой голос стал хриплым, чужим. Я сам не узнавал этот тон. — Уходите как можно скорее.

— О чем вы? Стас... он ждет нашего выступления.

Я повернулся к ней, и в моих глазах, уверен, она увидела то же самое пламя, что поглотило мой самолет десять лет назад.

— Я не помню его имени в своем прошлом, — прошептал я, и каждое слово давалось мне с трудом, словно я выплевывал камни. — Но я помню этот запах. Там, в лесу, когда я лежал на земле и не мог пошевелиться... Этот человек... он стоял рядом. Он пахнет смертью, Кира. Он пахнет жженым бензином и концом моей жизни. Он не спаситель. Он тот, кто закрыл люк моей могилы.

Кира пошатнулась, её рука соскользнула с моего локтя. Мы стояли в тени деревьев, а наверху, на балконе, Стас Субботин медленно поднял бокал, словно салютуя нам.

В этот момент я понял: я приехал сюда не петь. Я приехал, чтобы забрать то, что принадлежит мне. И этот человек — всё, что стоит между мной и моей жизнью.

— Мне нужно на сцену, — сказал я, сжимая набалдашник трости до боли в суставах. — Но знайте: сегодня я буду петь для него. И я сделаю так, чтобы он услышал в моем голосе каждое свое преступление.

Я зашагал к дому, не оглядываясь. Трость гулко стучала по дорожке, отсчитывая секунды до момента, когда маски будут сорваны окончательно. Николай Светлаков шел исполнять свой последний контракт. А Евгений Комлев шел за своей местью.

Сумерки сгустились, превращаясь в ночь. Ночь, которая должна была либо вернуть мне имя, либо похоронить нас всех под обломками правды.

Глава13

Белый шелк, которым были затянуты трибуны манежа, в свете прожекторов казался слепящим снегом. Я вела Николая под руку, ощущая кожей каждое его микродвижение. Он шел, едва опираясь на свою трость, но я чувствовала: сейчас внутри этого человека, в его выжженной памяти, разворачивается сражение, по масштабам превосходящее любую авиакатастрофу.

Мы вышли из глубоких теней парка прямо под безжалостный свет софитов. Пресса взревела затворами камер. Десятки объективов впились

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.